

К. Е. СКУРАТ,
профессор Московской духовной Академии

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ОСВОБОЖДЕНИИ БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ ОТ ИГА ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

*«Живи и давай жить другим» —
всегда было лозунгом славянства
(«Церковный вестник», 1877, № 5,
январь, с. 2).*

ВВЕДЕНИЕ

В 1960 г. в Москве в Конференции советской общественности за разоружение Предстоятель Русской Православной Церкви Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий так охарактеризовал роль нашей Святой Церкви в отечественной истории. «Это есть, — свидетельствовал Его Святейшество, — та самая Церковь, которая на заре русской государственности содействовала устройению гражданского порядка на Руси, укрепляла христианским назиданием правовые основы семьи, утверждала гражданскую правоспособность женщины, осуждала ростовщичество и рабовладение, воспитывала в людях чувство ответственности и долга и своим законодательством нередко восполняла пробелы государственного закона. Это та самая Церковь, которая создала замечательные памятники, обогатившие русскую культуру и донныне являющиеся национальной гордостью нашего народа. Это та самая Церковь, которая в период удельного раздробления русской земли помогала объединению Руси в одно целое, отстаивая значение Москвы, как единственного церковного и гражданского средоточия русской земли. Это — та самая Церковь, которая в тяжкие времена татарского ига умиротворяла ордынских ханов, ограждая русский народ от новых набегов и разорений. Это она, наша Церковь, укрепляла тогда дух народа верой в грядущее избавление, поддерживая в нем чувство национального достоинства и нравственной бодрости. Это она служила опорой русскому государству в борьбе против иноземных захватчиков в годы Смутного времени и в Отечественную войну 1812 года. И она же оставалась вместе с народом во время последней мировой войны, всеми мерами способствуя нашей победе и достижению мира»¹. Выраженную в приведенных замечательных словах глубокую патриотическую мысль мне хочется сегодня продолжить: это та самая Русская Православная Церковь, которая на протяжении тысячи лет верой и правдой служила своему Отечеству и, служа ему, вместе с ним, иногда даже предваряя решения правительства и оказывая на него влияние, или вдохновляя

его своим примером, с истинно христианской любовью и братством спешила на помощь и к другим народам — единоверным, единоплеменным, страждущим, лишенным свободы, чести, достоинства. Во всей своей силе эти любовь и братство проявились в поддержке национально-освободительного движения народов Балкан от ига Османской империи.

На протяжении XIV—XV вв. свободолюбивые балканские народы один за другим были завоеваны Османской империей. Наступили тяжелые годы, столетия средневекового мусульманского фанатизма. В церквях замолкали колокола, верующих насильно заставляли принимать ислам, школы сокращались, народности подавлялись. Вот как писал о юго-западных славянах в 70-е годы XIX столетия славянофил Викентий Васильевич Макушев (1837—1883): «В сербских областях, находящихся под властью падишаха, народ погружен в невежество и скован тяжкими узами рабства: только в более значительных городах, да при монастырях существуют кое-какие школы, далеко не соответствующие нуждам народа»².

О том, в каком тяжелом положении находились балканские народы во время господства осман, убедительно свидетельствует потомственный болгарский священник Стефан Киранов, передающий слышанные им самим рассказы своих предков священников. По свидетельству о Стефана, прадед его — священник Кирилл — был схвачен турками, подвергнут разным пыткам, во время которых лишился руки. Спасся от неминуемой смерти лишь бегством. Дед — свящ. Митрофан — за отказ обвенчать четырехбрачного вдовца на пятибрачной вдове получил по приказанию местного турецкого начальника более 400 палочных ударов, от которых вскоре умер. Отец рассказчика — свящ. Михаил — большую часть жизни в Османской империи провел на лошади в скрытых от погони местах. А о своем тесте — священнике С. Груеве († 1871) — о Стефан заявляет: «Бедствия и угнетения, какие он терпел от турок, так многочисленны и многообразны, что я не берусь их описывать». Сам он, будучи пятилетним мальчиком, вместе с матерью и родившимся во время бегства братом, спасался от свирепости преследователей в лесу. «Могу сказать, — завершает свое скорбное свидетельство о Стефан, — что изложенные мной бедствия, постигшие моих предков, родственников и родителей, живших в Турции, в селах Имоклары и Дрянове, есть не что иное, как капля в море в сравнении со всеми несчастиями и страданиями православных христиан в Турции»³.

Поработители применяли всевозможные меры, чтобы навсегда убить жизненные силы балканских народов, но Промысл Божий судил иначе. Ни скорбь, ни теснота, ни гонение, ни голод, ни сама смерть — ничто не отлучало их от любви Божией (Рим. 8, 35—39), а вместе с ней и крепкой надежды на лучшее будущее — на освобождение. Когда в XIX столетии спросили одного из путешественников, посетившего ряд христианских народов: где он нашел совершенное проявление христианского духа, тот, не задумываясь, ответил: «У южных славян, особенно у болгар, их нравы и обычаи напоминают многое из жизни первых веков»⁴.

Росту национально-освободительного движения народов Балкан содействовали войны, которые вела Россия против Турции в XVIII и

особенно XIX вв. (1806—1812, 1828—1829, 1853—1856) и в которых принимали участие и они сами. «Торжество русского оружия, заметное ослабление самой Турции, благодаря победам русских, крайние неурядицы в самом строе турецкой администрации — все это должно было повлиять на турецких славян и пробудить мысль об освобождении. Трудно было бы думать, что христиане не воспользуются начинающимися благоприятно складываться для них обстоятельствами и не попытаются свергнуть ненавистное для них иго»⁵. «На могущественную Россию теперь,— писал «Церковный Вестник» в самом начале 1876 г.,— обращены взоры всех народов Балканского полуострова: сербов, греков, болгар и румын, в надежде, что Россия не обманет их ожиданий и не отдаст их своим врагам. Скажи одно слово Россия — и не только весь Балканский полуостров, от берегов Эллады, но и все славянские народы и румыны Австро-Венгрии восстанут с оружием в руках против притеснителей»⁶. Эти строки не только говорят об освободительных настроениях на Балканах, но и свидетельствуют о том, что Русская Православная Церковь поддерживала эти настроения.

Находились среди православных русских людей и такие, которые прямо призывали народы к восстанию. Так, известный богослов — писатель славянофил А. С. Хомяков (1804—1860) звал славянские народы стряхнуть вековое иго, завоевать свободу, с честью занять свое место среди прочих народов:

Вставайте, славянские братья,
Болгарин, и серб, и хорват!
Скорее друг к другу в объятья,
Скорей за отцовский булат.

Скажите: «Нам в старые годы
В наследство Господь даровал
И степи, и быстрые воды,
И лес, и ущелия скал».

Скажите: «Мы люди свободны,—
Да будет свободна земля,
И горы, и глубины подводны,
И доли, и лес, и поля!

Мы вольны, мы к битве готовы,
И подвиг наш честен и свят:
Нам Бог разрывает оковы,
Нам Бог закаляет булат!»⁷.

Борьба греков за национальную независимость и русская церковная общественность

Первыми из народностей Балканского полуострова, свергнувшими османское иго и достигшими политической и церковной самостоятельности, явились греки. И первой страной, которая «взяла под свое кровительство священную борьбу греков за свою свободу», была православная Россия. «Ни одна сколько-нибудь успешная борьба ее с Турцией со времен Петра Великого не кончалась без включения в мирный трактат условий, направленных к облегчению участи ее единоверцев в Турции»⁸.

Воодушевленные надеждой свободы, греки часто брались за оружие против притеснителей. Но в XV—XVII вв. добиться чего-либо для своей независимости не смогли. Более благоприятными были для них следующие столетия — XVIII и XIX. Турция в это время клонилась к государственному бессилию, а единовенная грекам Россия заявляла себя мощной державой. В то же время и греки собирали силы для открытой борьбы с притеснителями. Отчасти под предлогом торговли, частично же якобы для охранения торговых судов от морских пиратов, они стали заводить вооруженные корабли, из которых можно было на первый случай составить довольно значительный флот. Вместе с тем они старались воспитать свое поколение на началах древней национальной культуры, раскрыть пред ним счастливое прошлое свободной Греции, помочь ему сравнить с прошлым униженное положение Эллады под игом и таким образом оживить стремление к национальной свободе. Принятые меры принесли желаемый плод. Как только в 1768 г. началась война России с Турцией и в Средиземном море появился русский флот, греки приняли это за сигнал, зовущий к свободе, восстали и присоединились к русским морякам. Хотя турки, после ухода русских войск, жестоко отомстили восставшим грекам, но последние не теряли надежды на завоевание независимости, тем более что, по заключенным между Россией и Турцией после этой войны в Кучук-Кайнарджи (1774 г.), а после второй — в Яссах (1791 г.) мирным договорам, Россия дважды получила право покровительствовать православным христианам в Османской империи.

Первые десятилетия XIX в. явились временем настойчивых усилий греков свергнуть османское иго — и русский православный народ стоял всецело на их стороне. В Одессе была предоставлена грекам возможность учредить одну из крупнейших организаций «Филики этерия» (дружественная этерия), поставившую перед собой целью освобождение Эллады. Руководителем ее стал греческий эмигрант Александр Ипсиланти (1792—1828), участник Отечественной войны 1812 г., генерал-майор русской армии. В 1821 г. он во главе отряда вооруженных греков вторгся в Дунайские княжества и произвел там восстание, послужившее началом решающих событий в истории национально-освободительного движения Греции. Хотя это восстание турки смогли подавить и Ипсиланти вынужден был удалиться в Австрию (там был схвачен и заключен в тюрьму), но вслед за этим, спустя всего несколько дней, митрополит Патрский Герман водрузил в Калаврите знамя нового восстания. «Героические сыны геройских отцов! — зывал он к народу. — Пусть препоясается каждый мечом своим, потому что лучше пасть с мечом в руках, нежели видеть бедствия отечества и оскверненные святыни! Ну же! Разорвите оковы, сокрушите иго, которое возложили на вас, потому что мы наследники Божии и сонаследники Христовы! Дело, которое вы призываетесь защитить, есть дело самого Бога»⁹. Произошло поголовное восстание (в том же году) в Морее и на Архипелаге... Последовала упорная и кровопролитная борьба... Турки стремились смирить греков самыми жестокими мерами. Европейские правительства долгое время смотрели на происходящее в Морее как на внутренние нестроения Османской империи, почему и предоставили греков собственной участи. Но не так отнеслись к законной борьбе единовенцев рус-

ские православные люди. По настоянию России бездействие европейской политики прекратилось¹⁰. Россия, Англия и Франция, заключив между собой договор, потребовали от Махмуда II прекратить бесчеловечную резню греков. Когда же он отказался выполнить это, союзники поддержали свое требование оружием. В 1827 г. произошел Наваринский бой, в котором весь турецко-египетский флот в несколько часов был истреблен союзным флотом России, Англии и Франции. Принимая Россию за главную виновницу поражения Турции, султан издал против нее оскорбительную прокламацию, ответом на которую со стороны России было объявление войны. Война (1827—1829 гг.) окончилась для России победоносно. В 1829 г. Турция вынуждена подписать мирный договор в Адрианополе, по которому, в частности, обязалась признать независимость Греции. Окончательно этот вопрос был решен в 1830 г. Восставшие греческие провинции были признаны самостоятельным государством, которому усвоили название Греческого, или Эллинского. В состав нового государства вошли Морея, Средняя Греция и некоторые острова. Первым президентом Греции был избран Иоаннис Каподистрия (1776—1831), находившийся с 1809 г. на русской дипломатической службе. Избрание Каподистрии явилось наглядным свидетельством глубоких взаимных симпатий двух единоверных народов. К сожалению, он вскоре пал (в 1831 г.) жертвой заговора (инспирирован Англией и Францией)¹¹.

Правильную оценку событиям двадцатых годов XIX в. дал английский дипломат Форсайт в газете «Times»; что Святейшим Синодом Русской Православной Церкви было потом изложено на страницах своего официального органа «Церковного Вестника». По его заключению, тогда европейские кабинеты во главе с Англией решились примкнуть к России во время ее солидарности с Грецией «единственно для того, чтобы не допустить России до одиночного вмешательства, не дать ей действовать одной, чтобы иметь возможность контролировать ее действия, препятствовать, мешать ей, чтобы она одна не присвоила себе заслуги освобождения греков... Россия честно приняла это содействие и, чистосердечно отказавшись от одиночного вмешательства, соединила свои силы с войсками других держав. Роль России состояла тогда в том, чтобы будить инерцию Европы». И дальше, когда во время переговоров Порты проявила «упрямое сопротивление», Россия в конце концов «приняла исключительно на одну себя труд призвать Турцию к порядку силой оружия»¹².

Однако независимость и свободу получила лишь часть, притом меньшая, греческого народа. Другая же часть продолжала по-прежнему оставаться под игом осман. Пределы, рамки новосозданного государства были слишком тесны, не давали возможности более широко развернуться народной энергии. Естественно, что такое положение не удовлетворяло эллинов и привело их к так называемой «великой эллинской идее». В задачу этой идеи вошло освобождение от осман остальных греков и расширение государственных границ королевства за счет присоединения к нему древних греческих провинций, в частности Фессалии и Эпира.

Одним из главных представителей и двигателей «великой эллинской идеи» была Греческая Церковь. А рядом с ней рука об руку шел пра-

вославный русский народ, Русская Православная Церковь. Последняя помогала Элладе уладить свои отношения с Константинопольской Патриархией в связи со стремлением балканских греков к церковной автокефалии и этим объединяла духовные силы православных, снабжала утварью и облачениями храмы Эллады, поддерживала она и «эллинскую идею». «Церковный Вестник» Святейшего Синода по данному вопросу высказывается самым решительным образом: «Одна она (т. е. православная Россия.— К. С.) искренно (разрядка моя. — К. С.) сочувствовала «великой эллинской идее», и продолжает: «Греки очень хорошо знали это, вследствие этого их благодарность России и надежды на нее не знали границ... Церковную утварь и облачения встречали крестным ходом... Самыми горячими пропагандистами любви, доверия, надежды на Россию для достижения национальной цели были епископы и священники»¹³.

В 1866 г. восстали за свободу и национальную независимость жители о. Крит. Россия, постоянно принимавшая «великодушные или настойчивые усилия расширить территорию Эллинского королевства»¹⁴, сохраняла теперь нейтралитет, сама переживая последствия Севастопольской войны¹⁵. На помощь критянам пришла Русская Православная Церковь. Вся православная Россия прочла и услышала следующее воззвание знаменитого Московского митрополита Филарета (Дроздова): «Часть народа, нам россиянам единоговерного, передавшего предкам нашим, а чрез них и нам, бесценное сокровище православной веры, претерпевает в настоящее время тяжкие бедствия: лишения достоинства, от угрожающей смерти бегство из земли обитания, недостаток ежедневных жизненных потребностей. В таком состоянии находятся обители древнего Крита (по-нынешнему Кандии), и из них особенно женский пол, дети и старцы; и это потому, что крепкие из них истощают свои силы и средства в вооруженной борьбе». И далее митрополит Филарет призывает «вспомошествовать бедствующим, присным в вере»¹⁶. По его призыву дружно потекли жертвы со всей православной России. Монашество и белое духовенство, рабочие и крестьяне, купцы, чиновники — все несли или пересылали свои сильные даяния жителям Крита. Для организованной и быстрой пересылки пожертвований митрополит Филарет учредил в Чудовом монастыре комитет. «Все мы помним критское восстание,— сообщалось одиннадцать лет спустя в церковной печати,— помним то глубокое сочувствие, какое оказывала вся Россия делу критских христиан, и обильные пожертвования, которые по почину покойного митрополита Московского отосланы были в пользу семейств единоговерных критян»¹⁷.

Иначе отнеслись к восстанию критян на Западе. В 1877 г. боснийские и герцеговинские христиане, выражая перед английским народом свое глубокое сожаление о том, что «свободолюбивые англичане» не только не поддержали их в борьбе за жизнь, за честь, но даже помогли туркам крепче стянуть на ногах славян «кандалы рабства и позора», в то же время заявили: «Мы до сих пор еще с сердечным сокрушением вспоминаем о том, как английские корабельные капитаны отвернулись от взывавших к их помощи кандиоток и их детей на том лишь основании, что им было предписано предоставить кандиотов их собственной судьбе. Отговорка эта до сих пор болезненно звучит в наших ушах»¹⁸.

С пониманием и христианским участием Русская Православная Церковь отнеслась и к вспыхнувшему восстанию греческих провинций Фессалии и Эпира, находившихся также под османским игом. Она незамедлительно донесла до сведения своих чад воззвание фессалийских героев к братьям под игом, к эллинам свободной Греции и рассеянным по всему миру. 19 января 1878 г. было составлено воззвание, а 4 марта того же года Святейший Синод уже опубликовал его в своем органе¹⁹. Тем временем русская дипломатия настаивала на скорейшем покорении Порты решениям Берлинского конгресса. В противном случае Россия готова была «решительно защищать дело Греции»²⁰. И в 1881 г. Фессалия и часть Эпира (Арта) были присоединены к Греции. На Западе опять-таки и сейчас отнеслись «к греческим интересам вяло и равнодушно»²¹.

С целью подъема духовных сил греков и укрепления нравственного единения с нами и вообще славянами русская церковная общественность выступила в печати с предложением обратиться Новороссийский университет в рассадник образования для греков и славян. А так как для преуспевания Православия важно, чтобы духовные лица были богословски образованными, то предлагалось открыть при упомянутом университете богословский факультет с приглашением для занятия отдельных богословских кафедр лучших богословов не только России, но и Греции. Одесса считалась самым удобным местом для данного мероприятия как ближайший пункт и узел к выходу на Балканы. Не закрывался притом и доступ в духовные академии для желающих получить в них образование, но считалось, что богословский факультет более эффективен для сближения греков и славян, так как в нем — в одном центре — легче было собрать значительно большее число учащейся молодежи. Обучение же в других учебных заведениях дробило массу на части и лишало возможности расширить круг дружбы²².

Западные политические деятели недовольны были братским участием России в судьбах греков и растущей с этим участием дружбой. И поэтому с настойчивостью, достойной иного применения, изыскивали способы к разобщению греков со славянами. Желаемое для них они подчас выдавали за действительное. «Эллинизм и славизм не могут ужиться в мире. — заявляли они. — Настанет минута, когда жадные соперники столкнутся»²³. Неудачный для России исход Крымской войны, поколебавший в глазах греков обаяние России, был ловко использован недоброжелателями. В течение более двадцати лет они твердили о бессилии (!) России на востоке и всемогуществе Европы, а посему о выгодности для Греции променять сомнительное покровительство России на несомненное покровительство Европы, и даже выступить против первой за интересы второй. С началом Освободительной войны 1877—1878 годов удвоились старания посорить Россию со всеми народами, которые так или иначе могли быть вовлечены в сферу русского влияния, и особенно с единоверными нам греками. Тем для инсинуаций затрагивалось немало. Главным из них были: пугало панславизма, будто бы угрожающего всей Европе, и прежде всех маленькой Греции, и фантастическое честолюбие с ненасытной жадностью России. Так называемые «дружеские советники» рекомендовали грекам помнить, что все отнятое Россией у Турции будет навсегда потеряно для Греции, что даже турецкое

господство для них лучше русских таможенных застав, ибо Турция более слабое (!) государство, а за слабостью стоит надежда на свободу выхода. Значит, заключали они, благоразумие подсказывает грекам обратить свой взор на Европу, интересы которой состоят «в том, чтобы в случае разрушения Турецкой империи греческие провинции Турции достались Греции, а не России»²⁴.

Еще в те годы, когда на Россию возводилась подобная клевета, чада Русской Православной Церкви категорично заявили: «Разбирать и оценивать пред отечественными читателями эту сколько лживую в своей основе и подробностях, столько же и зловредную для нас пропаганду, конечно, излишне. Они, без сомнения, отнесутся к ней с тем негодованием и презрением, которых она заслуживает»²⁵. Но если соотечественникам ясна была вся ложь пропаганды, то за пределами нашего Отечества она подчас приносила горькие плоды. Поэтому русская церковная печать разоблачала клевету и обращала внимание балканских народов на искренность заботы о них русских. Орган Святейшего Синода Русской Православной Церкви свидетельствовал: «Ни наше общество, ни правительство, не говоря уже о народе, который до последнего времени только и знал на востоке одних православных греков, никогда в своих симпатиях не отделяли славян от греков, и словом и делом всегда одинаково ободряли и поддерживали тех и других, стараясь постоянно соглашать их интересы и предотвращать и улаживать возникавшие между ними пререкания и раздоры»²⁶. «Народные массы в Греции,— говорил тот же орган в другом месте,— и по своим верованиям, и по привычкам, и по историческим преданиям безмерно родственнее славянским народным массам, чем латино-германским, так как свою духовную пищу почерпают из того же источника, из которого и славянские. А если так, то очевидно все помыслы и заботы вожаков этих масс должны быть обращены не на разъединение их родственной связи, а на ее поддержание и скрепление, так как в ней главный источник их силы и устойчивости и вместе и порознь»²⁷. Обретая в греко-славянской взаимности силу, гарантирующую достижение и сохранение независимости, русская церковная общественность призвала употребить все добрые средства к тому, чтобы эту взаимность превратить в неразрывный союз. Указывались и эти средства, как-то: прямой и широкий обмен литературой, изданиями по вопросам общего интереса, привлечения большего количества греческой молодежи в наши университеты и другие учебные заведения. Но лучшим путем к ограждению Греции от западных влияний считался церковный, идя по которому, можно было надеяться на большой успех²⁸.

Общий взгляд на отношение православных русских людей к борьбе греков за национальную независимость правильно выражен самими греками. «Разве хоть один русский опозорил себя когда-либо наймом в службу к туркам, как это делали во время греческой борьбы разные офицеры и чиновники при Ибрагиме паше, английский адмирал Гобарт и многие другие апостаты?» — ставит вопрос перед своими соотечественниками греческий историк второй половины XIX в. Гудас²⁹. «Мы,— заявляют греки свободной Эллады,— не должны забывать того, что когда Эллада, полвека тому назад, вела борьбу за свою свободу, она не была предоставлена своей собственной участи, а, напротив, со всех

сторон фактически высказывались ей самые горячие симпатии, и благороднейшие сердца века не только молились за нее, но и несли свою кровь и деньги, чтобы обеспечить благоприятный исход этой кровопролитной борьбы»³⁰. «В наш век,— звучал трезвый голос греческой публицистики в XIX столетии,— одни лишь Франция и Россия посылали в битву французов и русских, не имея своего собственного непосредственного интереса, лишь ради других»³¹.

Русский православный народ на стороне румын в их борьбе за национальную свободу

В 1878 г. на Берлинском конгрессе министр иностранных дел России князь Александр Михайлович Горчаков (1798—1883), выступая с речью по бессарабскому вопросу, подробно перечислил исторические факты, свидетельствующие о жертвах России, принесенных ею в течение ста лет для освобождения Молдавии и Валахии, недвусмысленно заявил, «что основание и освобождение нынешней Румынии является делом России исключительно»³². И никто из присутствовавших на конгрессе не мог возразить русскому дипломату, а ведь конгресс был созван для пересмотра условий Сан-Стефанского мира 1878 года по инициативе Англии и Австро-Венгрии, стремившихся ослабить позиции России на Балканах. Факт этот знаменателен, ибо служит наглядным подтверждением признания заслуг православной России перед балканскими народами и со стороны ее тогдашних недоброжелателей.

Еще в 1876 г. в печати Англии — страны, соперничавшей с Россией, дана была верная оценка вклада России в освободительное движение христианских народов Османской империи. «Россия,— читаем в «Daily News»,— может указать на действительные услуги, оказанные ею христианам империи (Турецкой)... Пусть они (турецкие христиане) вспомнят лишь о том, что улучшения, последовавшие в течение настоящего столетия в участи христиан, добыты усилиями России... Всякое движение, направленное на приобретение независимости и возникшее за последние годы среди христиан, было более или менее связано с именем России... Русский консул был единственным лицом, к которому притесненные христиане прибегали с жалобами... Политика Англии так же резко обозначена в пользу турок, как политика России в пользу христиан». И наконец: «Образование Румынии состоялось благодаря содействию и помощи России»³³.

В начале XVIII в. (1711 г.) император Петр Великий в союзе с молдавским и валахским господарями предпринял Прутский поход. Поход носил священный характер войны православного царя в защиту православных румын от иноверных турок. Начался он с торжественного богослужения в московском Успенском соборе в присутствии императора. Возле храма на площади были выстроены гвардейские полки. На развевавшемся над ними знамени крупными буквами значилось: «Во имя Спасителя и христианства», а выше надписи крест, окаймленный словами: «In Hoc vinces». Румыны увидели в этом походе исполнение своих давних чаяний. Когда Петр I приблизился к г. Яссы, власти города, народ, священнослужители во главе с митрополитом Гедеоном устроили ему торжественную встречу, с великой радостью поклонились ему как освободителю-христианину от османского ига. В самом городе

звонили во все колокола. Но радость оказалась преждевременной — поход окончился неудачно. Оказавшись победителями, османы начали проводить над беззащитной райей чисто азиатскую средневековую расправу, задавшись целью подавить румын как нацию. Однако цель не была достигнута — на помощь пришла окрепшая православная Россия, взявшая на себя всю тяжесть разрешения так называемого Восточного вопроса.

Начавшиеся в 1768 г. русско-турецкие войны, ареной которых обыкновенно были Молдавия и Валахия, оказывали большое влияние на эти княжества в смысле пробуждения у них светлой надежды на доброе будущее. Каждый поход русских, шедших против осман снова во имя Спасителя, Его Божественной религии, во имя свободы, вызывал общую радость румын, и они бесстрашно присоединялись к победоносным полкам православной России. Уже первая русско-турецкая война во время Екатерины II закончилась весьма благоприятным для румын Кучук-Кайнарджийским договором. Согласно этому договору все румыны, выступившие во время войны против Порты, получили амнистию: господам Молдавии и Валахии разрешалось иметь в Константинополе своих поверенных православного исповедания; всем христианам Турецкой империи предоставлялась свобода вероисповедания; конфискованные ранее земли возвращались владельцам. Кроме того, Россия оговорила право покровительствовать княжествам в случае их столкновений с турецкими властями. Последовавшая вскоре вторая освободительная война России с Турцией закончилась Ясским договором 1791 года, подтвердившим в отношении Дунайских княжеств условия прежнего договора и, кроме того, предоставившим румынам двухлетнюю льготу на подати. Но, естественно, румыны стремились к полному освобождению от османского ига. Осуществление своих чаяний они видели тогда в присоединении к России.

Последовательным выразителем этих стремлений явился замечательнейший митрополит Молдовы начала XIX в. Вениамин Костаки. Будучи румыном по национальности и истинным патриотом своего народа, митрополит Вениамин всегда выражал глубинные стремления румын в их отношениях к России. Когда в начале XIX в. вспыхнула новая русско-турецкая война и русские войска вскоре вошли в Молдавию, то императору Александру I был подан следующий адрес от 27 июня 1807 г., подписанный самим митрополитом и знатнейшими боярами: «Истреби несносное правление (турецкое), дышащее угнетением бедному сему народу (молдаванам). Соедини правление земли сей с богохранимой державой твоей... Да будет одно стадо и один пастырь, и тогда да напомним: «Сей есть златый век состояния нашего». Сие есть от всея души общее народа сего моление»³⁴.

Во время пребывания в Молдавии и Валахии в 1808—1812 гг. русских войск Святейший Синод Русской Православной Церкви позаботился и об улучшении церковных дел в данных княжествах. В марте 1808 г. было определено находившемуся на покое бывшему Киевскому митрополиту Гавриилу (Банулеску-Бадони) именоваться экзархом в Молдавии, Валахии и Бессарабии. Румын по национальности, умный и энергичный митрополит Гавриил в новом звании проделал большую полезную работу: привел храмы в такое состояние, в каком они нахо-

дились в России; от лиц, стремящихся к священству, потребовал определенного образовательного ценза, а для этого преобразовал духовную семинарию в монастыре Сокол по образцу русских семинарий; улучшил материальное положение духовенства, поднял авторитет его.

В дальнейшем участие православного русского народа в борьбе румын за свободу проявлялось следующим образом.

После Морейского восстания греков султан в 1822 г. удовлетворил просьбу молдавских и валашских бояр о восстановлении права избрания национальных господарей. Несогласия России с Турцией вызвали в 1826 г. Аккерманскую конвенцию, по которой как назначение, так и смещение господарей могло производиться Портой лишь с согласия России. Вскоре, однако, возникла война России с Турцией (1828—1829), закончившаяся Адрианопольским миром. По этому миру еще более ограничивалось влияние Порты на княжества Молдавию и Валахию. Правление князей становилось теперь пожизненным, а Россия была официально признана покровительницей княжеств³⁵. С этого времени начинается новая эра для Румынии. Ее политическая зависимость от Турции начинает слабеть, т. к. она избирает себе князей из своей национальности и на нужный срок. Румынский народ воспрянул духом. Началось активное просветительное движение в национальном направлении. Стремление к самобытности в конце двадцатых и начале тридцатых годов было поддержано русской администрацией во главе с П. Д. Киселевым (1788—1872). По предложению Киселева был принят в 1831 г. Органический регламент, составленный в смысле сохранения румынской народности. Открыты были новые народные школы, основан румынский театр, стали издаваться газеты, журналы и т. д. «Все эти успехи,— читаем в Истории Христианской Церкви XIX в.,— стояли в зависимости от забот русского правительства, влияние которого в форме политического протектората, с уменьшением влияния Порты на дела княжеств, было громадно в последних»³⁶.

На пути к политическому суверенитету румын не последнее место занимал вопрос церковный. И здесь Русская Православная Церковь внесла свой вклад.

В 1865 г. при поддержке Александра Кузы — первого князя объединенных в 1859 г. княжеств Молдовы и Валахии в одно государство Румынию,— была провозглашена автокефалия Румынской Церкви без согласия на то Константинопольского Патриарха, от которого зависела. Управление Церковью было вверено «Генеральному Национальному Синоду», в состав которого вошли не только румынские епископы, но и депутаты от мирян из каждой епархии. Константинопольский Патриарх Софроний выступил с резкими протестами против новоявленной автокефалии. Одно за другим он направил послания-протесты князю Александру Кузе, митрополиту Валашскому и местоблюстителю Молдовской митрополии³⁷. Было направлено специальное послание и к Святейшему Синоду Русской Православной Церкви с призывом оказать духовную помощь «к прекращению опасного положения дел, влекущего в бездну гибели оный (православный румынский.— К. С.) христианский народ, кровь которого взыщется от рук наших»³⁸.

Святейший Синод Русской Церкви, прежде чем ответить Константинополю, поручил Филарету, митрополиту Московскому, разобрать

означенное послание и представить на него свой отзыв. Московский иерарх, подвергнув его обстоятельному разбору, пришел к выводу, что желание румынского правительства сделать автокефальной свою Церковь законно и естественно, но что заявлено было это желание далеко не законным способом. С другой стороны, и Константинопольский Патриарх, выступивший с протестом против совершенного румынами, повел дело, по мнению митрополита Филарета, не тактично: вместо слов мира и совета рассмотреть дело объявления автокефалии вместе с другими Поместными Церквами, он прибег в своем послании к резким выражениям, способным не успокоить, а еще более раздражить недовольных³⁹.

В официальном ответе Святейшего Синода Русской Православной Церкви Патриарху Константинопольскому было заявлено, что учреждение «генерального» румынского Синода «превышает меру светской власти и требует рассуждения и утверждения высшего в Церкви Собора, и в особенности Патриарха, к области которого принадлежит Церковь, учреждающая новый Синод». Положение, что «в Синоде председательствует во имя господя Румынский митрополит», признается антиканоническим и антиевангельским (Лк. 10, 16; Мф. 18, 20). «Митрополит и прочие члены Синода присутствуют в нем во имя Христа и апостолов». Назначение епископов одной светской властью, без избрания церковного, признается также антиканоническим. «Принявшие такое назначение должны поставить себя пред тридцатым правилом святых Апостолов и со страхом помыслить: истинное ли освящение они получают и на паству простирать будут». В конце послания говорилось, что для прекращения возникших несогласий лучшим средством может послужить слово любви и мира, обращенное к румынам. «Не найдется ли еще средство,— предлагал Святейший Синод,— словом сей любви и убеждения твердых в церковной правде ободрить, колеблющихся утвердить, возвести дело на путь мирных совещаний, и неизменность существенного охранить некоторым снисхождением к допустимому»⁴⁰. Однако в Константинополе не спешили. Дело подвинулось вперед лишь после русско-турецкой войны 1877—1878 гг., когда Румыния получила полную политическую независимость от султана.

Из последних событий, накануне получения Румынией полной независимости, характерна торжественная встреча в 1877 г. в румынских городах императора Александра II, свидетельствовавшая о благодарности православному русскому народу за утверждение на Балканах знамени свободы. Как более ста пятидесяти лет тому назад с большим радушием встречали в Яссах императора Петра I, так и теперь Александр II был встречен хлебом-солью. Духовенство г. Ясс запело: «Благословен грядый во имя Господне», а Ясский митрополит приветствовал словом, сущность которого заключалась в том, «что единовременная Россия земля румынская, испытывая на себе многовековое иго турок, ныне почитает себя счастливой, встречая русского монарха, идущего во главе своих войск освобождать из-под этого ига христианские народы Востока». «Когда мы видим,— говорилось в адресе жителей г. Плоешты,— что на победоносных ваших знаменах красуется надпись: «За свободу народов Востока», когда мы видим ваше бесконечное великодушие и милосердие, мы усердно молим Бога, да поможет Он сло-

мить общего врага, во славу России и ради свободы народов Востока»⁴¹.

Румыны были тем единоверным православной России народом, который не только с большим радушием и благодарностью встречал русские войска во время Освободительной войны 1877—1878 гг., но с самого начала войны принимал в ней деятельное участие, разделял с ними и лишения, труды боевой жизни, и славу побед. И тогда православный русский человек говорил: «Хвала ему и честь за это!»⁴².

Восстание в Герцеговине и Боснии и отношении к нему Русской Православной Церкви

Летом 1875 г. газеты сообщили, что на Балканах в одной из славянских провинций Оттоманской империи — Герцеговине произошло восстание. Сначала малозаметное через окна иных стран, оно настойчиво разрасталось и ширилось, охватив вскоре Боснию и подвинув в июне 1876 г. на войну с Турцией Сербию и Черногорию. «Нынешняя борьба для нас,— писал в Россию предстоятель Сербской Православной Церкви митрополит Михаил,— жизненный вопрос — быть или не быть славянам на юге, сохранив свою православную веру и свою славянскую жизнь. Потому и ожидаем от братского единоверного народа русского всякой помощи, тем более что другие народы Европы, из своих корыстных видов, не терпят, чтобы мы оставались славянами и сохранили православную веру вместе и одинаково с русскими или потому, что вовсе не знают, или же неверно и превратно знают основы жизни славянства и Православия»⁴³.

* * *

Османскому игу подпали юго-западные славянские области после поражения сербско-боснийского войска в битве 1389 г. на Косовом поле. Иго это было слишком тягостным для сербов. Особенно невыносимым оно стало с первых годов XIX столетия, и сербы одно за другим поднимали восстания против поработителей. В начале 1804 г. восстание небольшого числа гайдуков под предводительством Карагеоргия (1768—1817) быстро охватило многие районы. Но предоставленное самому себе, оно было разгромлено. Тем не менее в глубинах народного духа сохранились силы, способные вызвать к жизни новое восстание — и в 1815 г. оно явилось под руководством Милоша Обреновича (1780—1860), участника прежнего восстания. Однако только после Адрианопольского мира (1829) сербам была предоставлена свобода вероисповедания и при дальнейшей поддержке России в 1830—1833 гг. был введен статус автономного княжества.

Поводом к герцеговинско-боснийскому восстанию 1875 г. было не только общее тягостное состояние юго-западных славян, не только потому, что постоянно «их жизнь, семейство, религия — все [было] в опасности», а и происшедшие дополнительные события, до крайности доведшие страдания беззащитной «райи» и переполнившие меру ее терпения. Это начавшиеся в Герцеговине очередные притеснения христиан со стороны, главным образом, мусульманских землевладельцев заставили целые общины переселиться в соседнюю с Герцеговиной Черногорию. Но любовь к родине, чувство привязанности к домашнему

очагу, сокрушение об участии оставленных родных понуждали их к возвращению. Магометанские землевладельцы при потворстве османских властей стали жестоко мстить беглецам, особенно зажиточным и наиболее влиятельным. Последнее и явилось той каплей, которая переполнила чашу — около двух тысяч христиан взяли за оружие, подняли знамя восстания, явившееся одним из важнейших звеньев в цепи национально-освободительного движения на Балканах. «Горсть самоотверженных храбрецов,— говорил в те времена в храме сербского подворья г. Москвы прот. А. Иванцов-Платонов, — не имевших почти никаких средств для успешной войны — ни правильно организованного войска, ни денег, ни хорошего оружия, ни даже достаточного пропитания, подняла отчаянную борьбу на жизнь и на смерть с врагом, целые века душившим жизнь и свободу христианства и южного славянства,— с врагом, которого имя когда-то было страшно для всей Европы»⁴⁵.

Началось жестокое затянувшееся кровопролитие. Мужики и юноши уходили в горы, чтобы оттуда вести неравный бой; старики, женщины и дети, спасаясь от насилий, искали убежища в соседних странах — в Черногории и Австрии. Один из путешественников во время проезда на пароходе под нейтральным флагом по реке Саве, разделявшей турецкие владения от австрийских, был свидетелем бегства жителей, пострадавших от восстания, о чем рассказал русским людям. По его сообщению, бегство совершалось в разных видах: вплавь, на лошадях, в лодках под пулями осман. Лодки переполнялись, сталкивались, шли ко дну. Трупов было такое количество, что заражался воздух⁴⁶. А вот что докладывала депутация босняков и старо-сербов, прибывшая в Петербург: «Наша жизнь от колыбели до могилы есть ряд пыток и мук. Ко сну мы отходим в страхе, что следующий день прожить не придется. Тирания, насилие и грубость уже перешли границы. По приказу Дервиш-паши... были сожжены, ограблены и уничтожены 300 селений и более 2.000 или убиты или уведены в неволю. В храмах наших нет колоколов, ибо турки не позволяют нам свободно молиться Богу... Нас хотят сделать турками. Мы не хотим, мы не можем согласиться на это, мы не можем изменить вере своих отцов, изменить нашей национальности... Мы скорее погибнем, чем будем долее подчиняться тирании»⁴⁷. Во всей суровой и открытой правде изображены глумления осман над восставшими боснийцами и герцеговинцами в манифесте последних к английскому народу, где они не просят у англичан «ни хлеба, ни оружия, ни денег», а только одного — справедливости, не поддерживать осман, дать полную свободу покончить с пятисотлетним рабством. Поступки осман, описанные в этом документе восставшими, настолько омерзительны, что не подымается перо, чтобы их передать. Хочется бежать от этой леденящей душу картины и уверить себя, что это не горькая действительность, а просто мучительный сон⁴⁸.

Вначале Европа не придавала особого значения Герцеговинско-Боснийскому восстанию. Видимо, она считала его заурядным явлением в истории народов. Между тем оно приняло упорное течение. Несмотря на трудности борьбы с врагом, значительно превосходящим по силам, восставшие мужественно держались, укрепляемые надеждой на скорую помощь со стороны Сербии, Черногории и, конечно, России. «Наши надежды на Россию всегда были непоколебимы и велики, теперь им нет

предела», — писал в Россию вскоре после восстания митрополит Черногорский⁴⁹. «Родные нам братья и сестры! — зывал к православным русским людям председатель Международного комитета попечения о бедствующих христианах в Боснии, Герцеговине и Старой Сербии митрополит Сербский Миханл. — Воспряните духом и услышите призывающий вас голос, полный мольбы, бедной, гибнущей райи, или во имя славянской национальности, во имя Единой Святой Православной Церкви, наконец, во имя гуманности, братья русские!»⁵⁰. И братья русские отозвались с подлинным христианским участием. Над всей широкой святой Русью поднялся «величавый патриотический гул»⁵¹.

Вслед за воззванием митрополита Сербского «Церковный Вестник» Святейшего Синода Русской Православной Церкви на следующей же странице обратился с призывом к русскому духовенству: «Пастыри Русской Церкви — городские и сельские! Дружно откликнитесь на призыв православного Сербского митрополита. Помогите и сами, сколько можете, и употребите все ваше влияние на прихожан, чтобы и они помогли несчастным православным семействам герцеговинцев и босняков. Собранные вами пожертвования высылайте, как можно поспешнее, или на имя редакции «Церковного Вестника» или же прямо в славянский благотворительный комитет в С.-Петербурге». И еще и еще зывал тот же орган: «Русь православная, помоги Христа ради убогой твоей православной братии, забитой и обнищавшей райи турецкой. Райя в тебя верит, и дай Бог, чтобы она в тебе не изверилась и в тебя веру не потеряла, а тебе бы вовек верила»⁵². «Необходима быстрая и скорая помощь... Каков бы ни был политический результат борьбы, подобная борьба уже сама ведет к опустошению края. Вопрос политический подлешит решению правительству. Дело общества — выразить свое сочувствие в области ему доступной... Пособить братьям, пострадавшим за защиту своей славянской народности и Христовой веры, — это для русского общества не только долг кровного родства и единства в вере, не только долг христианского милосердия и человеколюбия — это долг нашей народной чести»⁵³.

Святейший Синод вынес и специальное определение о сборе пожертвований в пользу жертв восстания в Боснии и Герцеговине, уполномочив духовенство призывать к жертвованиям и собирать жертвы⁵⁴. А первоприсутствующий член Святейшего Синода митрополит Петербургский Исидор благословил открыть для пострадавших особый тарелочный сбор в храмах столицы. Примеру центра последовали епархии и даже самые отдаленные приходы. Архиепископ Казанский Антоний поручил пастырям своей епархии пользоваться всяким удобным случаем — и в храме и вне его, чтобы донести до прихожан то, в каком плачевном состоянии находятся наши братья по вере — славяне⁵⁵. Другой Преосвященный — епископ Кишиневский Павел — призвал всех нести кто что может «на алтарь любви братской: деньги, белье, корпию», вручать все это пастырям или другим доверенным лицам для доставления по назначению⁵⁶. А сколько было сказано замечательных поучений и в кафедральных соборах, и в сельских храмах! Сколько в этих поучениях выражено глубокой любви, братского сострадания и участия!⁵⁷. Поистине духовенство нашей Святой Церкви стало во главе почина в историческом подвиге служения братьям.

Жертвы братьям славянам, как отмечала церковная печать, «хлынули с необыкновенной силой»⁵⁸. Как только русский православный человек услышал стоны единоверных — сразу понес свою лепту и все необходимое для жизни. Характерно в этом отношении письмо одного священника в редакцию «Церковного Вестника» вместе с присланными им пожертвованиями. Священник писал, что он прочитал своим прихожанам воззвание Сербского митрополита Михаила, разъяснил им, кто это герцеговинцы, босняки и сербы по отношению к нам по вере и роду, напомнил им тяжелые времена татарского ига на Руси, когда наши предки испытывали подобные несчастья, и предложил всем принести жертву. Сердца присутствующих дрогнули, и каждый вносил в нарочито поставленную корвану «с одинаковым чувством любви и радости». «Русский человек,— заключает священник,— так же братолюбив, милостив и богобоязлив, каким был и прежде». Он «не может быть бессердечен и глух к целому народу, мучимому за Христа. Дайте только ему вовремя знать о такой нужде»⁵⁹.

Продолжать здесь разговор о жертвах русского народа нет нужды⁶⁰, т. к. об этом будет еще сказано в следующем разделе данного соображения, где будет рассмотрено отношение православного русского народа к апрельскому восстанию болгар в 1876 г., когда пожертвования «учетверились»⁶¹. Здесь можно отметить лишь отклик юго-западных славян на помощь православной России.

Спустя всего месяц после восстания в Герцеговине и Боснии сербы свидетельствовали, что из отдаленнейших пределов соплеменной России посылалась им щедрая помощь⁶². О большом сочувствии русских людей к страждущему под османским игом сербскому народу говорил настоятель Сербского подворья в Москве архимандрит Савва. На его обращение, напечатанное в русских газетах, откликнулись многие города России во главе с первопрестольным и прислали пожертвования для пострадавших. «Русское общество,— заявил архимандрит Савва,— осталось тем же, как было и прежде»⁶³. «Хвала благородным чувствам великого и поистине братского нам народа русского, который не перестает присылать нам обильную помощь! — восхваляя доброе участие русских в судьбах славян председатель Цетинского комитета вспомоществования страждущим герцеговинцам митрополит Черногорский Иларион.— Благодаря всем этим жертвам, мы можем сказать с полным убеждением, что до сих пор с успехом исполняли свою великую и человеколюбивую задачу»⁶⁴. «Хвала и слава русской братии,— благодарил весь сербский народ,— что помогают нам выдержать неравную борьбу за оскорбленное человечество, за оскверненную святыню и за обесчещенные семьи»⁶⁵. Хорошо зная о помощи славянам русского народа, Черногорский князь Николай не находил нужным прямо обращаться к нему с просьбой. Он считал достаточным лишь информировать его о своих бедствиях⁶⁶. Ту же мысль выразили и его подданные. Посетившего в 1876 г. Черногорию деятельного участника С.-Петербургского славянского комитета Веселитского-Божидаровича черногорцы просили только об одном: «Расскажите братьям русским о наших нуждах, ничего к этому не прибавляя»⁶⁷.

Русская Православная Церковь не только заботилась о своевременных и постоянных пожертвованиях страждущим славянам, но и благо-

словила русских добровольцев идти на ратный подвиг — бороться вместе с восставшими братьями по вере и крови.

Вслед за первым русским добровольцем генералом М. Г. Черняевым систематично, два-три раза в неделю, отправлялись в Сербию бескорыстные и честные русские герои. Здесь и отставные офицеры⁶⁸, и бывшие солдаты, здесь и молодые отцы семейств, провожаемые женами со слезами, но и с сознанием необходимости и ответственности. Когда однажды священник, увидев рыдающую женщину, подошел к ней и спросил: «Как же ты рассталась с мужем? Тебе, как я вижу, жаль его». «Что делать, батюшка,— ответила она,— но ведь он пошел на доброе дело, а сиротам-то Господь покровитель»⁶⁹. Среди добровольцев были и духовные лица, побуждаемые ехать в Сербию тем же сочувствием, какое охватывало весь русский народ. «Тебе, отец протоиерей,— напутствовал отъезжающего оставшийся священник,— предстоят трудности в твоём военно-пастырском служении, и не легкие. Тебе придется, кроме совершения бескровной жертвы, днем и ночью предавать земле тела христиан, убитых турецкой пулей. Может быть, тебе придется с святым крестом в руках воодушевлять сербское воинство на битву»⁷⁰.

При отправлении добровольцев совершались напутственные молебны, чтобы Господь благословил их путь, послал им, как некогда Товии, мирна Ангела, сохраняющего, заступающего и невредимо соблюдающего их от всяких злых обстоятельств. Добровольцев осеняли святым крестом, окропляли святой водой, вручали им святые иконы, имена их записывали для ежедневного поминовения на проскомидии и у Престола Божия. В конце молебнов произносились многолетия светским и духовным властям, князьям Сербскому Милану и Черногорскому Николаю, воинствам, российскому и славянскому, и, наконец, отъезжающим, как говорили в народе, на «братскую защиту». Все присутствовавшие за молебном прямо из храма отправлялись на вокзал Варшавской железной дороги, чтобы еще раз взглянуть на «спасителей славян». И здесь много было трогательного. Мужчины стояли без головных уборов, женщины плакали, подносили детей под благословение отъезжающих, сами благословляли их, обнимали их, пожимали им руки, махали платками, высказывали самые добрые и сердечные пожелания. Расходились молчаливо, задумчиво, под свежим впечатлением провожания отдающих свою жизнь во имя святого дела. «Благословение Господне на вас, братолюбиво и добровольно отправляющиеся на поле брани — на берега славянских рек: Моравы, Дрины, Наренты и Нишавы,— призывал помощь Божию священник Русской Православной Церкви на идущих за славян.— Там, на берегах и в долинах этих рек, ручьями льется невинная христианская кровь наших братьев по вере, по духу, по плоти и по крови — славян. Жестокие враги и притеснители их решились истребить их, по-видимому, до последнего человека. Они лишают их всего имущества, подвергают их всевозможным истязаниям и мучениям и жестоким образом убивают их. Десятки и сотни селений и деревень их безжалостно предаются огню. И все это за то, что они — эти наши братья — христиане! За кого же идете вы сражаться?— Вы идете сражаться за христиан, и притом за православных христиан, за наших братьев славян... Вы идете на брань за веру православную, за Христа

и Крест Его. Священная брань! Будьте же мужественны! Бейте врага вооруженного, но щадите врага безоружного»⁷¹.

В таком же религиозно-патриотическом духе вступали русские добровольцы и на сербскую землю. От места прибытия шли они рядами, впереди их солдат нес напутственную икону. Волонтеры крестились, становились на колени и говорили: «Умрем за святую православно-славянскую землю, за братьев своих сербов и болгар, умрем или же освободим их от варваров азиатских, гнетущих их свободу и веру православленную»⁷².

В пользу раненых и больных воинов Святейший Синод учредил при храмах специальные кружки с красным крестом для сбора подаваний и распорядился о своевременной высылке сбора по назначению⁷³. Указом от 1 декабря 1876 г. Святейший Синод пригласил все женские монастыри и общины позаботиться о срочной подготовке лиц для ухода за ранеными; образовать из лиц отряды «сердобольных сестер» и направить их в военные лазареты; заняться изготовлением в обителях корпии, бинтов и других госпитальных принадлежностей⁷⁴. Немного позднее и мужские монастыри были приглашены для той же цели — образовать «сердобольных братьев» из иноков и послушников⁷⁵.

Русская Православная Церковь благословляла также тех, кто шел в южно-славянские районы оказывать помощь раненым. «Идите обвязывать раны и язвы их и врачевать от нашедших на них болезней! — говорил священнослужитель санитарному отряду, отправляющемуся в Черногорию. — Стремитесь предупредить при помощи Божией преждевременную для них смерть известными вам благоприятными для жизни условиями!.. Теците с миром во едином духе на предлежащий вам подвиг, взирающе на Начальника веры и любви, Совершителя Иисуса Христа!»⁷⁶. «Грядите же, возлюбленные, — обращались с пастырским словом к другому врачебному отряду, направлявшемуся в Сербию, — под знаменем Христа и животворящего креста Его бодро и смело на предстоящий вам великий подвиг любви христианской!»⁷⁷.

Ежедневно молящаяся о всех путешествующих, недугующих, страждущих, плененных и ежедневно приносящая бескровные жертвы за весь мир Русская Православная Церковь устами своих пастырей возносила свои теплые молитвы к Престолу Бога милосердия и о даровании победы православным, о скорейшем возвращении русских волонтеров здоровыми по выполнении священного долга. На специально устраиваемые молебствия о ниспослании победы стекалось множество верующих. Во время одного из таких молебствий в Москве в Сербском подворье, когда хор громогласно запел: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы благоверным государям и князьям: Милану и Николаю на сопротивныя даруя», все, присутствовавшие в храме и вокруг него, словно по чьему-либо знаку, стали на колени⁷⁸.

При большом стечении народа и с таким же молитвенным усердием совершались и панихиды об упокоении «всех православных, иже в Старой Сербии, Герцеговине и Боснии христолюбиво и братолюбиво пострадаша». Даже кафедральные соборы не вмещали желавших помолиться за убиенных на сербских полях воинов, и многие вынуждены были находиться на прилегающих площадях⁷⁹. Молились на коленях и почти все со слезами. Но это не были слезы отчаяния. Православный

русский человек утешался тем, что проливалась кровь не зря, а за братьев, свидетельствуя перед всем миром о соблюдении русским народом союза христианской любви не на слове или языке, а на деле и истине (1 Ин. 3, 18)⁸⁰.

Как бы обобщая отношение чад Русской Православной Церкви к Герцеговинско-Боснийскому восстанию, епископ Кишиневский Павел утверждает, что православные русские люди не ограничивали «своего участия к борьбе и страданиям своих собратий одним состраданием к ним и одними благожеланиями» — все стремились «сами делом заявить свое сочувствие к страдальцам. Одни возлюбили своих собратий наибольшей любовью — решились положить и некоторые положили души свои за други своя. Другие взяли на себя великое дело любви — уход за ранеными и врачевание их»; иные приносили «на пользу раненых, на пользу ограбленных неприятелем семейств разнообразные вещественные пожертвования»⁸¹. И совершались эти дела без официального участия со стороны государственных властей. Русская Православная Церковь — эта могучая духовная сила православных славян — раскрыла перед своими чадами нужды славян — членов единой Церкви, единого таинственного Тела Христа Спасителя — и призвала к помощи. И православная Русь почувствовала боль страданий одного из членов единого Тела (1 Кор. 12, 25—27). «Кто ободрил герцеговинцев нравственно и помог их борьбе вещественно, обеспечив семейства доблестных борцов? — спрашивал И. С. Аксаков (1823—1886) и отвечал: — Русский народ, не только образованные классы, но весь русский народ с простонародьем включительно. Такое отношение к славянскому делу, такое положение было благодушно предоставлено русскому обществу самим правительством... Нам недоступны высшие соображения, руководившие действиями нашей дипломатии, но мы не можем не чувствовать искренней признательности к правительству за то, что оно не стесняло обществу в выражениях сочувствия»⁸².

Пределы борьбы за национальную независимость балканских народов расширились — еще продолжалась борьба юго-западных славян, а в апреле 1876 г. произошло восстание болгар, вслед же за этим расширилось и участие в судьбах балканских народов православных русских людей.

Апрельское восстание болгар и православный русский народ

1876 год, как справедливо отмечает в одном своем историческом исследовании В. Теплов, «огненными буквами занесен в летописи болгарского народа»⁸³.

Национальное движение болгар прошло ряд этапов. Из них важным считается появление «Истории славяно-болгарской о народах, и о царях, и о святых болгарских», написанной в 1762 г. преподобным Паисием (1722—1798) — иноком Хилендарской обители на Афоне. Именно этой книгой преподобный Паисий хотел пробудить национальное самосознание болгар, напомнить им, какое достойное место принадлежало их родине в былые времена, и одновременно укрепить веру народа в светлое будущее, поднять его на борьбу. «О неразумный и юродивый, — обращается он к читателю, — чего ради стыдишься назы-

ваться болгаринoм и не читаешь на своем языке и не думаешь. Разве болгары не имели своего царства и власти? В течение стольких лет они царствовали и были знаменитыми и известными по всей земле и неоднократно взимали дань и с могучих римлян, и с мудрых греков... Почему же ты, глупый человек, стыдишься своего рода и тянешься к чуждому тебе народу»⁸⁴.

Славное дело преподобного Паисия продолжил его ученик епископ Врачанский Софроний (1739—1814), издавший на новоболгарском языке «Собрание поучений, переведенных со старославянского и греческого языка». В течение 20 лет Преосвященный Софроний «был наставником взрослых и учителем детей. Борясь против темноты и невежества, стремясь к просвещению родного народа, он пытался в меру своих сил содействовать и его политическому освобождению. Софроний был выдающимся деятелем раннего периода национального движения болгарского народа»⁸⁵.

В 30-х годах XIX в. национальное движение болгар проявилось в форме борьбы за создание своей школы. Вехами этой борьбы явились издание в 1824 г. первого болгарского учебника и основание в 1835 г. в г. Габрове первого в Болгарии светского училища. В 40-х годах начали выходить и первые болгарские периодические издания: «Любoсловие», «Български орел», «Цариградский вестник» и др.⁸⁶.

Стремясь к религиозной и национальной свободе, болгары организовали в 1833—1835 гг. массовый заговор, известный в истории под именем «Велчовой заперы» (назван по имени организатора «заперы» Велчо Джамджията). С большой надеждой на русскую помощь в готовившемся восстании около 10 тысяч болгар приняли участие в «Велчовой запере». «Вы зовете к себе Москву на подмогу!» — обвиняли болгар турки⁸⁷. После разгрома «Велчовой заперы» и казни ее руководителей «турки начали презрительно называть тырновских людей «Москов гяур» (московские рабы), а болгары радовались, что, благодаря Велчовой запере, получили такое прозвище»⁸⁸.

Вслед за «Велчовой заперой» произошел ряд восстаний в Северо-Западной Болгарии в 1836—1837 гг.⁸⁹.

С 40-х годов разворачивается движение за восстановление независимости национальной Церкви, что было также важным этапом на пути к освобождению политическому⁹⁰. «Церковный вопрос, — заявляет известный болгарский писатель и политический деятель Захарий Стоянов (1850—1889), — был первым фактором, побудившим болгарский народ сделать шаг вперед на пути к гражданскому и политическому самосознанию... Церковный вопрос первым послужил к объединению болгарского народа в одно целое; он заложил прочнейшие основы нашего национального самосознания»⁹¹.

Последним в освободительном движении этапом, предшествовавшим Апрельскому восстанию, явилось Старозагорское восстание 1875 года. Планы восстания были широки, но подготовка к их осуществлению велась очень слабо. Плохо подготовленное восстание окончилось полным поражением. Беспорядочно и разрозненно двигавшиеся отряды легко подавлялись турками. Но остановить освободительное движение было невозможно. Возмущение болгарского народа росло и в 1876 г. вылилось в крупное Апрельское восстание против турецкого гнета.

Нет нужды описывать в небольшом данном очерке весь ход событий Апрельского восстания, т. к. имеется подробнейший рассказ о них в «Записках о болгарских восстаниях» — этой поэме народного героизма, «Илиаде» болгарского народа — уже упоминавшегося выше Захария Стоянова⁹². Вспомним здесь лишь отдельные факты, которые необходимы для раскрытия темы.

Потерпев поражение в Старозагорском округе, часть восставших эмигрировала в Румынию, где в г. Джурджу был сформирован новый Революционный Комитет. На заседаниях Комитета решено было подготовить новое восстание к весне 1876 г. Предположительной датой, оставшейся в тайне, намечалось 1 мая. Только 25 апреля всех должны были окончательно известить об этом. Предполагалось прервать телеграфную и железнодорожную связь, овладеть некоторыми городами и захватить находившиеся там склады оружия, необходимого для повстанцев.

Однако отчетливый план с перечнем нужных организаторских и организационных мероприятий выработать не успели. «Необходимо признать, — заявляет исследователь данного вопроса С. А. Никитин, — что в военном отношении восстание оказалось неподготовленным. В округах не было военных руководителей... Плохо обстояло дело с вооружением... Отсутствие точной договоренности о дате начала восстания при фактической децентрализации его подготовки в округах неизбежно должно было привести к разнобою и военной неслаженности в действиях отдельных групп повстанцев»⁹³. Обстоятельства еще более осложнились тем, что один из участников окружного собрания, состоявшегося в середине апреля 1876 г., оказался предателем и донес турецким властям о подготовке восстания. Ввиду этого вынуждены были начать восстание немедленно — 20 апреля — раньше намеченного срока. Перед лицом стягиваемых крупных сил, предупрежденных противником, развернуть широких действий повстанцам не удалось. 30 апреля г. Панагюриште, куда сошлась наибольшая масса восставших крестьян во главе с Панаётом Воловым и его помощником Георгием Бенковским, пал залитый кровью. Вслед за этим был разгромлен турками г. Копривштица и вырезано окрестное население. Но особенно жестока была расправа над восставшими селами Перуштицей и Батаком, ставшими «вотчиной одичавших собак и хищных птиц»⁹⁴.

Восстание было жестоко подавлено. Но оно не прошло и не могло пройти бесследно. «Неудача Апрельского восстания, — говорит современный историк болгарского возрождения Жак Натан, — не остановила борьбы народа за освобождение. Она подготовила условия к вмешательству великого братского русского народа»⁹⁵. «Я уже достиг своей цели! — воскликнул Бенковский, указывая пальцем на горящий город Панагюриште. — Сердцу деспота нанесена такая рана, что не зажить ей во веки. Теперь дело за Россией!»⁹⁶ Именно к России болгары обратили свой полный надежды взор, свое усердное моление. «Братья! — взывали деятели Болгарского центрального благотворительного общества в Бухаресте к русскому народу. — Мучения, претерпеваемые болгарями на Балканском полуострове, так велики, что нет возможности их описать. Как Русь некогда опустошали монголы, так, и даже несравненно больше, опустошают нашу страну турки и башибузуки... Братья

наши! Вы никогда не оставляли бедствующих и угнетенных южных славян и всегда спешили подать им руку помощи, руку спасения. Теперь настало время, быть может, в последний раз помочь младшим братьям вашим — болгарам, обедневшим до крайности от турецких грабежей, пожаров и немилосердных опустошений. Болгарский народ встал и борется отчаянно, но в то же время, когда бойцы дерутся, раненые остаются без помощи и бедные семейства умирают с голоду и от балканского холода. Они ждут помощи... Нужны средства, нужна подпора... Услышьте, братья, голос беззащитного, забытого народа и помогите ему воскреснуть и обмыть воспаленные раны в его душе и теле. Помогите нам — кто как может и чем может»⁹⁷. «Если когда нужна была помощь России для несчастных болгар, то она теперь крайне необходима, — писал 15 мая 1876 г. из Константинополя в Москву Федор Стоянов-Бурмов, болгарский государственный деятель и публицист. — Человеколюбие, честь покровительницы и матери славян, интересы славянства — все взывает о немедленной и энергичной помощи. Пособите ради Бога, ради единоверия и единоплеменности, ради обыкновенного, наконец, человеколюбия... Несчастное население взывает к своим единоверцам и единоплеменникам... о возможно скором приостановлении окончательного избияния, в чем сомневаться невозможно... Сделайте что можете в пользу погибающего населения, только возможно скорее. Взывайте, просите и умоляйте, хотя бы только для того, чтобы исполнить долг»⁹⁸. «Во имя Бога, во имя Спасителя и Честного Креста, мы, угнетенные, — снова и снова взывали болгары к русским людям, — умоляем вас, единоплеменные братья, протянуть нам руку помощи. Никто из других христиан не поймет наших страданий, не разделит нашего горя, как вы, единоплеменные и православные! На вас наша надежда!»⁹⁹.

Смелым защитником своего народа и решительным выразителем его интересов выступал в эти суровые дни и Блаженнейший Экзарх Болгарской Православной Церкви Анфим. Как добрый пастырь, готовый положить душу свою за паству, он подал представителям иностранных держав меморандум о жестоких расправах турок с восставшими болгарами. На весь мир прозвучали и слова Экзарха Анфима, сказанные в ответ на просьбы близких к нему людей действовать менее открыто, чтобы не подвергнуться участи Константинопольского Патриарха Григория V. Дай Бог, — говорил Экзарх, — чтобы так именно было, ибо «когда повесили греческого Патриарха Григория, создалось свободное греческое королевство, и когда повесят меня, быть может создастся свободное болгарское царство»¹⁰⁰. Он решительно отказался поставить свою подпись под предложенной ему великим визирем декларацией от имени болгарского народа о том, что народ якобы доволен своим положением под властью турок и вовсе нет нужды вмешиваться другим государствам, главным образом России. Мало того, Блаженнейший Экзарх обратился к Первоиерарху Русской Православной Церкви митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Исидору с письмом, в котором умолял митрополита оказать помощь страдающим. «Если Его Величество император Всероссийский, — писал Экзарх, — не обратит внимания на положение болгар, не защитит их теперь, то лучше пусть вычеркнет их из списков славян и православных, потому что

отчаяние овладело всеми»¹⁰¹. В заключение Экарх просил прочитать это письмо императору.

Подобными печальниками о православном болгарском народе явились и прочие священнослужители Болгарской Церкви¹⁰².

* * *

В истории народов бывают моменты, когда живущая в глубине народного ума и сердца великая идея гуманности вдруг, словно мановением Высшей Силы, ярко выступает наружу и проявляется в самоотверженном подвиге во имя братства и любви. Такой священный момент пережил русский народ в виду событий на Балканском полуострове. Весь русский народ, без различия общественных, сословных, бытовых разделений, принял близко к сердцу страдания единоверных и единоплеменных болгар.

Рассматривая мотивы русского народного и, в частности, церковного движения за свободу славянства, «Церковный Вестник» свидетельствовал в 1876 и 1877 годах: «Многое говорили и говорят о причинах настоящего движения: указывают на влияние печати, на деятельность славянских комитетов, на силу племенной связи и исторических традиций русского народа, который некогда не менее теперешних славян страдал от неверных и т. д. Все эти причины действительно влияли... на пробуждение русского сочувствия к делу славян, но основные мотивы народного движения... скрывались в самом народе»¹⁰³. «По нашему разумению,—заявлялось в другом номере «Церковного Вестника»,—современное общественно-народное возбуждение происходит: 1) из единства веры и вероисповедания; 2) из родства племенного и 3) из общих психических свойств славянской природы вообще и русской в особенности»¹⁰⁴.

Голоса сочувствия раздавались и в некоторых западноевропейских странах. Но правительства их не выступили в защиту болгарского народа¹⁰⁵. Целая вереница конференций и дипломатических переговоров 1876—1877 годов — Рейхштадтские переговоры, Константинопольская и Будапештская конференции, «Лондонский протокол» — лишней раз показали, что только Россия деятельно стремится освободить славянские народы Балканского полуострова и создать независимые балканские государства. «Одна только Русь православная сердечно откликнулась на стоны терзаемых»¹⁰⁶. «Ужели мы останемся глухи к их воплям? — спрашивала на страницах «Православного Обозрения» русская церковная общественность в ответ на «моление болгар о помощи». — Посылали же мы наши лепты пострадавшим в Боснии и Герцеговине. Откажем ли в христианском подаянии жертвам гнуснейшего варварства в несчастной Болгарии»¹⁰⁷. Дело болгар стало делом русских людей, русского православного народа.

Первый клич за свободу славян и за веру был брошен в печати. Здесь возвестили о геройском восстании болгар, выразили и продолжали выражать симпатии их борьбе за правое дело, обращали внимание всех слоев общества на события Балканского полуострова. Упомянувшийся выше официальный орган церковной печати «Церковный Вестник» на своих страницах, под специальными рубриками «Зверства турок», «Религиозный фанатизм турок», «Страдания Болгарии», с глу-

бокой скорбью и с сочувствием начал систематически сообщать о терзаниях поработенных болгар после подавления турками Апрельского восстания¹⁰⁸.

Вскоре после Апрельского восстания болгар — в июле месяце — редакция «Церковного Вестника», с благословения Первоиерарха Русской Православной Церкви митрополита Исидора поместила на страницах журнала обращение к православному русскому духовенству. В обращении говорилось: «Архипастыри и пастыри Русской Церкви! Станьте опять (как недавно к боснийцам и герцеговинцам. — К. С.) руководителями всероссийско-христианского благотворительного порыва: собственным примером и словом зажгите и поддержите святой огонь любви к народам, родным нам по крови и вере, на огромных пространствах России. Вы ближе к народу и ваши живые голоса услышаны будут... Организуйте это дело сообразно с местными условиями и высылайте собранные пожертвования на имя редакции «Церковного Вестника»... Поспешите помочь несчастным!»¹⁰⁹ Целый ряд иерархов Русской Православной Церкви, священников и церковных учреждений немедленно выступили с воззваниями к духовенству и пастве протянуть руку спасения болгарам¹¹⁰. В своих обращениях они не только свидетельствовали о страданиях болгар, не только выражали им свое искреннее сочувствие, но и призывали оказать им необходимую действительную, ощутимую помощь. «Теперь восстание не ограничивается уже Боснией и Герцеговиной, но открылось и в Болгарии, — говорил после окончания Божественной литургии молящимся архиепископ Донской и Новочеркасский Платон. — Кто же окажет необходимую помощь бедным славянам в помянутых областях? — Таковую помощь должны оказать им мы, русские — братья их по вере и крови... Апостолы говорят нам: «Служите каждый друг другу тем даром, какой получили от Бога и, доколе есть время, старайтесь делать добро всем, а наипаче своим по вере» (1 Петр. 4, 10; Гал. 6, 10). Из этого видно, что мы, русские — православные, действительно имеем особенный, Богом назначенный нам, долг пещись о соплеменниках и единоверных братьях наших, страждущих ныне в турецких областях, и поэтому обязаны без отлагательства оказать им необходимую помощь»¹¹¹.

Движимый чувством глубокого христианского сострадания к бедственному положению болгар, епископ Орловский и Севский Макарий пригласил в июне месяце 1876 г. в архиерейский дом представителей общественности г. Орла для обсуждения конкретных мер оказания помощи страждущим. После речи епископа, соответствующей цели собрания, было определено: отпечатать достаточное количество подписных листов и разослать их во все уголки Орловской епархии для сбора пожертвований в пользу болгар; устроить в городском саду гулянье с тем, чтобы полученные за вход деньги направить болгарам; открыть при редакции «Орловского Вестника» прием пожертвований, которые через посредство епископа направлять в Болгарию. Для начала этого доброго дела присутствовавшими было здесь же собрано 704 рубля¹¹².

Специальный циркуляр был направлен к московскому купечеству. Изображая ужасы страданий болгар, он отмечал: «Настало время нам, русским православным людям, показать не на словах, а на деле нашим

единоплеменникам и единоверцам, что мы слышим их вопли и стоны, что мы живо чувствуем их страдания, что они близки нашему русскому сердцу, что мы им и они нам не чужие»¹¹³.

Все русское общество призывалось встать на защиту славян. Во многих тогдашних газетах и журналах печатались пламенные статьи, дышащие высокой христианской любовью к страждущим братьям. Некоторые из этих статей помещались в «Церковном Вестнике» и в «Православном Обозрении» в знак, с одной стороны, полного разделения их мыслей церковными кругами, с другой — для использования их содержания в воззваниях пастырей Русской Церкви к своим прихожанам.

В них, как и в обращениях церковных деятелей, призывались русские люди к неотложной и действенной помощи — не ограничиваться одним благословением или сочувствием. «Благословение, — говорится в одной статье, — может дать один Бог. Его всемогущая десница посылает победу и покоряет врагов. Что сделает наше благословение, никем неслышимое и всегда бессильное, если оно останется без дел?... К вам, прежде всего, идет это обращение, к вам, в ком жива нравственная личность человека, в ком зрелище народа, восставшего за свою свободу и веру, заставляет сильнее биться сердце; к вам, кто помнит еще горестные дни Крымской войны, великодушно начатой за тех славян; к вам, кто плакал радостными слезами в великий день освобождения крестьян, восстановления человеческой личности в двадцати миллионах крепостного населения... Покажите себя достойными потомками героев, безропотно умиравших в Севастополе, под Карсом, за Дунаем!»¹¹⁵.

Те же мысли выражались и многими другими православными русскими людьми.

Большую организационную работу в оказании помощи восставшим и пострадавшим от турок болгарам проводило славянское благотворительное общество, возникшее в Москве в 1858 г. в виде Московского славянского комитета¹¹⁶. Кроме воззваний к совести русской общественности, напоминавших по своему содержанию обращения духовенства¹¹⁷, Славянский комитет собирал пожертвования и, по преимуществу, выполнял роль посредника в направлении их к месту назначения, требуемому «состоянием дела в известную минуту»¹¹⁸.

Если в печати, как церковной, так и светской, времени Апрельского восстания болгар встречается много воззваний, обращенных к русскому народу оказать помощь страждущим братьям славянам, то это вовсе не значит, что русский народ был глух и нуждался в этих многократных призывах. Обращения вызывались сердечной потребностью самих обращающихся. Для русского народа, как уже отмечалось выше, достаточно было лишь узнать, что страдают и нуждаются в помощи его братья славяне.

И. С. Аксаков в своей речи от 24 октября 1876 г. говорил, что турецкие неистовства в Болгарии произвели такое впечатление на русское общество, что не потребовалось особых усилий для возбуждения сочувствия и сострадания к болгарам¹¹⁹. Из многочисленных писем, поступавших в Славянский комитет вместе с пожертвованиями, можно видеть, что страшная эпопея резни, грабежей и насилий, совершавших-

ся на Балканском полуострове, глубоко поразила русское народное чувство¹²⁰.

Все слои русского общества спешили оказать действительную помощь братьям болгарам.

В придворных кругах образовалась особая «партия действия», во главе которой стоял наследник престола будущий император Александр III. К этой «партии» принадлежал граф Н. Н. Игнатьев — русский посол в Константинополе. Участники этого объединения считали необходимым для оказания помощи балканским славянам вступление России в войну с Турцией.

Представители интеллигенции не замедлили выразить свое отношение к событиям на Балканах. «Болгарские безобразия,— писал в ноябре 1876 г. И. С. Тургенев в письме к княгине Е. А. Черкасской,— оскорбили во мне гуманные чувства: они только и живут во мне — и коли этому нельзя помочь иначе как войною — ну, так война!»¹²¹ Сказали свое слово и выдающиеся писатели, как Ф. М. Достоевский (1821—1881), Л. Н. Толстой (1828—1910), В. М. Гаршин (1855—1888). Художник К. Е. Маковский (1839—1915) отразил страдания болгар в глубоко впечатляющей картине «Болгарские мученицы».

Верным и усердным помощником болгар явилось русское духовенство, своим ревностным ходатайством об их нуждах на широком пространстве родной земли красноречиво доказавшее, что вместе с христианским милосердием и любовью оно неизменно хранит в себе живое и верное разумение русского долга. «Подобные эпохи всенародного энтузиазма,— свидетельствовал «Церковный Вестник» в своей передовой статье,— обыкновенно выдвигали в России на первый план Православную Церковь и духовенство. Так случилось и теперь. И Славянский комитет и общество попечения о раненых одинаково обращаются к посредству духовенства для сбора пожертвований»¹²².

Но главным жертвователем выступил народ, воспринимавший славянскую идею сквозь призму Православия. Крестьясь и творя молитву, он приносил свою лепту страждущему и нуждающемуся брату — христианину¹²³. Данные архивного фонда Васильчиковых свидетельствуют, что большая часть пожертвований текла именно от «простого народа»¹²⁴. Эту же мысль еще более определенно выразил Московский славянский благотворительный комитет, заявив, что не менее двух третей всей милостыни составилось «из подаяний простого народа, при содействии приходского духовенства»¹²⁵. «Кто же выдвигается главным, передовым деятелем, историческим фактором со стороны России? — спрашивал И. С. Аксаков на заседании Славянского комитета 14 июля 1876 г. в г. Москве.— Откуда исходит клик сочувствия к восставшим славянам, вопль негодования ко врагам Христа и славянской свободы?» — Ответ для всех был ясен: от русского народа. «В самом деле,— продолжал оратор,— пред нами совершается явление необычайное. В прежние времена, когда вспыхивал так называемый Восточный вопрос и то или другое из угнетенных в Турции славянских племен домогалось свободы, Россия выступала на историческую арену всегда прямой защитницей славянства, но всегда одной своей официальной стороной, то есть как государство, посредством дипломатии или вооруженной силы: народ оставался, по-видимому, в стороне; до его слуха и ведения немного

и доходило о положении и страдании его братьев славянских... В настоящее время мы видим совершенно иное»¹²⁶.

Заговорило русское братское чувство любви к угнетенным славянам. Стало всеобщим сознание христианского долга помочь им — и «попились рекой»¹²⁷ со всех концов широкой матушки России щедрые дары, для исчисления которых (хотя бы общего) понадобилась бы специальная работа...¹²⁸ Жертвовали деньги, вещи, перевязочные средства, медикаменты и т. п. Все слилось в России в одно христианское чувство, в одну добродетель помощи. Вся Россия готова была покрыться сетью подобия отделов Славянского комитета. И действительно, во многих местах образовались местные центры, которые собирали пожертвования и, минуя Славянский комитет, прямо от себя пересылали их по назначению. Вот что писал о всероссийских пожертвованиях один из тогдашних корреспондентов: «Проехав недавно несколько тысяч верст с юга на север и обратно, я воочию убедился во всеобщем сочувствии народа к славянскому делу. Везде только и слышно о сборах в пользу славян, о волонтерах, едущих в Сербию. Что городские, более интеллигентные жители сочувствуют этому делу и высказываются — это неудивительно, но невольно изумляешься, когда и в глухих степных селах, без всякой интеллигенции, без газет, почт и правильных сообщений, куда заносятся сведения только приходящими, где все погружены в собственные дела о насущном хлебе, когда и в такой глуши проявляется сочувствие славянскому делу и каждый несет, что может, копейкой и материалом на помощь единоверцам в борьбе их с турками»¹²⁹. Упомянувшийся выше Ф. Стоянов-Бурмов, совсем недавно зывавший к России о помощи, 5 октября 1876 г. уже писал из Константинополя: «Мы все здесь в восторге от того, что ныне делается во всей России. В первый раз, кажется, в истории человечества выражаются в такой силе чувства сострадания благоденствующего и сильного народа к судьбе бедствующих его единоплеменников. Видно, к таким чувствам способен из современных народов лишь один русский народ. Мы читаем здесь русские газеты всегда со слезами на глазах»¹³⁰. «В самом деле, — отмечал И. С. Аксаков в речи на заседании Московского Славянского благотворительного комитета 24 октября 1876 г., — то, что творилось в России в эти последние месяцы — неслыханно и невиданно не только в русской, но и в ничьей истории... Такова природа этого всенародного движения, что оно не только не могло быть сочинено Комитетом, не только не способно было втесниться в какие-либо комитетские рамки, но перешло далеко за его края и почти подавило собою нашу скромную организацию. Здесь уже дело не Славянского комитета, а всей Русской земли, и величайшая честь для Комитета — умалиться до значения простого орудия народной мысли и воли»¹³¹.

Многое сделали православные русские люди в оказании помощи борющимся и страждущим болгарам; велико было их усердие и глубокая любовь к братьям по вере и крови!¹³²

Высшим и ближайшим проявлением глубинных братских чувств русского народа к единоверным и единоплеменным болгарам явилась русско-турецкая война 1877—1878 гг., принесшая болгарскому народу, как и другим народам Балкан, долгожданное освобождение от османского гнета.

**Русская Православная Церковь
вместе с балканскими народами
в освободительной войне 1877—1878 гг.**

12 апреля 1877 г., в день подписания императором Александром II манифеста, объявлявшего войну Турции, Болгарский центральный комитет обнародовал воззвание к болгарам, в котором, в частности, говорилось:

«Изнывая под вековым варварским игом, мы не однажды в тяжелые минувшие годы подымали знамя свободы, и еще в прошлом году отчаянной борьбой мы протестовали против векового рабства. Но зверские турецкие полчища в крови потопили наш протест и каннибальски отпраздновали свою победу теми неслыханными и ничем не оправдываемыми свирепыми насилиями и жестокостями, от которых содрогнулся весь мир. Наши села выжжены, наши матери, жены и дети обесчещены, и невинные жертвы, плавая в крови, покрыли своими трупами наши поля и нивы. Целый год несли мы этот крест мученика, но в этой юдоли горя и неволи одна светила нам надежда, которая нас укрепляла в наших страданиях. Эта надежда нас ни на минуту не оставляла, эта надежда была в великой православной России... Мы не вотще верили в эту могучую помощь... Наступил час... Русские ополчились бескорыстно за наше освобождение, как и прежде ополчились они за свободу сербов, румын и греков»¹³³.

Свидетель и деятельный участник в тогдашних событиях Иван Сергеевич Аксаков живыми красками рисует те необычайные настроения и энтузиазм, которые были присущи всей православной России в продолжение всей Освободительной войны 1877—1878 гг. «Какая главная возвещенная задача войны? — спрашивает он и отвечает:— Вырвать болгарское племя из-под турецкого ига. Никогда никакая война не возбудила такого всеобщего на Руси сочувствия и одушевления, не вызвала столько жертвоприношений любви, не заслужила в такой полной мере названия «народной», как именно эта война, благодаря именно этой священной задаче»¹³⁴. «Эта война, — говорил тот же оратор, — за веру Христову, эта война за освобождение поработенных и угнетенных славянских братьев; эта война праведная, эта война подвиг, святой, великий, которого сподобляет Господь Святую Русь. И вот она выходит, ликуя, на кровавый пир, громко и смело исповедуя имя Божие, к удивлению мудрецов века... Никогда дух народный не являл такой высоты подъема, свободной в то же время от надменности и от восторженного самохвальства. В том-то и сила, что настоящая война дело не только чести, но, что всего важнее, и совести народной»¹³⁵. «Народ, наш простой, смиренномудрый народ, не одержимый ни властолюбием, ни жаждой боевой славы, принял войну как нравственный долг, естественный и произвольный, как непреложный, священный подвиг, сужденный ему Провидением»¹³⁶. «Никогда еще не выступало мужество наших воинов в таком озарении святости. Это поистине христианское войско»¹³⁷.

Приведенные слова председателя Московского славянского благотворительного комитета И. С. Аксакова раскрывают весь характер Освободительной войны — поистине священной.

* * *

Великий подвижник Русской Православной Церкви и глубокий богослов епископ Феофан (Говоров, 1815—1894), размышляя по Восточному вопросу, считал, что лучше было бы все уладить без войны. «Войны для войны нечего желать,— писал он в январе 1877 г.,— но если без нее нельзя поставить на ноги наших, а только кое-что им доставить, то лучше уж война»¹³⁸. Так относилась к Восточному вопросу и русская дипломатия. Вначале она пыталась было путем мирных переговоров склонить Порту к преобразованиям, направленным к улучшению в ее пределах положения славян-христиан. Когда же Порты не вняла мирным призывам, 12 апреля 1877 г. император Александр II подписал манифест, объявлявший войну Турции. Словно благоговейно пронеслись по России слова манифеста. Русь приветствовала их «будто в праздник, бодро, радостно и молитвенно, осеняя себя крестом»¹³⁹. В заседании Думы г. Москвы манифест был заслушан собранием стоя. После окончания чтения зал огласился криками: «Ура!»¹⁴⁰.

На следующий день после подписания манифеста Святейший Синод в полном составе совершил в Исаакиевском соборе Петербурга молебствие об успехе русского оружия в начавшейся войне. Перед молебствием протоиерей И. Янышев сказал глубоко прочувствованную речь, в которой выразил общее мнение присутствовавших. «Вся Россия,— русское же христоролюбивое воинство впереди всех,— говорил он,— призываются ныне к великому и святому делу: улучшить быт христианского населения Турции... Мы — русские — прежде и больше других христианских народов должны помочь страдающим христианам на Востоке... Для нас, и как русских и как христиан, бездействие означало бы то же, что измена своему народу и христианскому призванию... Мы не могли бы оставаться ни русскими, ни христианами, если бы оказались равнодушными к своим братьям по крови и по вере... Меч,— продолжал отец протоиерей,— поднимается не из-за дикой страсти к войне, которая так несвойственна миролюбивому характеру всего русского народа, а для защиты невинно страдающих от этой страсти, и не затем, чтобы увеличивать свои земли, которых у русского народа более, чем он может обработать их, а затем, чтобы возратить отнятое у наших ближних, обеспечить им то, что им искони принадлежало и дать им возможность мирного существования и преуспевания... Жить, так жить вместе, а умирать, так и умирать всем вместе — вот голос, достойный истинно славянского, а тем более христианского братства!»¹⁴¹

В тот же день под гул колоколов подобное молебствие было совершено и в Москве.

Трогательно проходило обнародование манифеста в Кишиневе — месте его подписания. Вблизи города на поле были построены войска, куда прибыл и император с главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем. Епископ Кишиневский Павел вскрыл врученный ему пакет с манифестом. Войска обнажили головы. То же сделала и собравшаяся масса народа. Слова манифеста были заслушаны в благоговейном молчании, после чего соборно совершили молебен. Торжественно пропели «Христос воскрес из мертвых», «С нами Бог! Разумейте языцы и покарайтесь, яко с нами Бог!» Когда же в конце молебна возгласили: «Преклоньше колена помолимся», войска склонились к зем-

ле; одни лишь знамена развивались над ними. При пении «Спаси, Господи, люди Твоя» епископ окропил войска святой водой. Преосвященный сказал напутственное слово, в котором призвал войска дерзновенно идти на предлежащий подвиг, и благословил их святыми иконами. Со всех сторон понеслось мощное: «Ура! За братья! За святое дело! За веру Христову! За свободу славян!..» Изложить все бывшее, по слову «Церковного Вестника», «невозможно. Такие минуты народных порывов, во всем их объеме, во всей их силе не поддаются никакому описанию. Они только глубоко чувствуются и никогда потом не забываются. Они всецело становятся достоянием всемирной истории»¹⁴².

В этом превосходящем всякое описание восторге не было и тени кичливости православных русских людей. Не в кичливости воспитывала их наша Святая Церковь или торжестве еще неодожденных побед, а в сознании своей правоты с покорностью воле Божией. Они радовались свершению судеб, призывающих их на священный подвиг. Дух, который собрал Святую Русь в одно чувство, был духом св. Евангелия, св. Православия, любви, милосердия, сострадания.

Святая Церковь благословила на бранный подвиг, ибо ее чада шли, как заявлялось в приказе главнокомандующего Дунайской армией, «не для завоеваний, а на защиту поруганных и угнетенных братьев наших и на защиту веры Христовой»¹⁴³, за свободу и безопасность подвластных османам христианских народов. Их влекли не корысть, не виды властолюбия, а кровавые слезы измученных братьев, поруганная святая вера, оскверненные святыни, пепел мирных городов и селений¹⁴⁴. Для них предстоявшая брань была поистине священной. «Война многотрудна,— размышлял в те дни епископ Феофан (Говоров),— но судя по тому, что войной можно взять больше, чем предназначается без войны,— и столько больше, что можно в силу ее целый народ поставить на ноги; ...судя по общему нашему воодушевлению...— судя по всему этому, я никак не удерживаюсь от желания войны, хоть и от войны мороз по коже подирает... Божий покров сильнее всех человеческих средств. Но и Бог чрез людей же действует. Если в Божиих есть намерениях теперь же дать льготу братьям нашим, то конечно Он не оставляет дать о том свидетельство среди людей же. Охватившее нас воодушевление не есть ли Божие в нас действие? И сознавая это, не должны ли вместе сознать, что этим движением Бог говорит нам: вам поручаю освободить этих страждущих! Можем отказаться! Бог никого не нудит. Но будем ли мы безвинны, не вняв Божиим манованиям? Бог найдет и без нас исполнителей Его воли. А нам стыд... Все такие мысли прямо ведут к решению: хочешь не хочешь, а ступай воевать, мать Русь православная»¹⁴⁵.

Хотя в изложенном уже можно видеть, что, кроме стремления вырвать братьев славян из-под османского ига, Русская Православная Церковь имела весьма важные и специально-церковные интересы, но к последнему нужно добавить несколько слов. Все Поместные Православные Церкви составляют Тело Христа Спасителя, одно органически связанное целое. Прямой интерес и долг каждой Церкви — охранять это целое в полноте. И Святая Церковь как мощная защитница Православия не отступила от своего долга. Иначе она изменила бы любви Христовой, нанесла бы раны на Телу Богочеловека, все члены Которого

должны пребывать в единстве духа (Еф. 4, 3), нести во имя святого Христова братства тяготы других и быть готовыми пожертвовать во имя этого братства и самой жизнью (Ин. 15, 13). Выполняя же этот святой долг и стремясь к достижению общецерковных интересов, наша Церковь внесла достойный вклад в освобождение Балкан. Сам Глава Церкви Господь наш Иисус Христос,— говорил архиепископ Волинский и Житомирский Димитрий воинам при их выступлении в поход,— «призывает вас вступить и споборать Ему за святое имя Его... за Святую Церковь Его... за Святой Крест и Гроб Его... Какой подвиг славнее сего подвига? Какая брань священнее сей брани?»¹⁴⁶.

Как в XIV столетии Святая Церковь благословила в Троице-Сергиевой Лавре Димитрия Донского идти на защиту прав своих чад, так и теперь благословение Божие было призвано на императора Александра и его спутников в той же св. Лавре. «Молитвы и благословение Преподобного Сергия да сопутствуют тебе,— говорил, обращаясь в Лавре к императору, святой митрополит Московский Иннокентий.— во всех входах и исходах твоих отныне и до века!»¹⁴⁷ В Троицком соборе у св. мощей Преподобного Сергия был совершен молебен святителем Иннокентием в сослужении епископа Можайского Игнатия, ректора Московской Духовной Академии архим. Михаила, инспектора Вифанской Духовной Семинарии архим. Кирилла и старшей братии Лавры. В конце молебна прочитали коленопреклоненно две молитвы: по случаю объявления войны и преподобному Сергию. Митрополит благословил древней иконой «Видения Богоматери преподобному Сергию» и вручил ее императору. Эта святая икона-складень, написанная на доске от гроба Преподобного, как благословение от обители, находилась в стане русских воинов в 1654 г. во время Польской войны, в 1702 г. во время Шведской войны¹⁴⁸, в Отечественную войну 1812 г. и в Крымскую 1855 г. Кроме складня с него были сняты две копии и направлены армии. Помещенная на обратной стороне их надпись гласила: «Во благословение христоролюбивому воинству действующей армии с молитвой о победе над врагами приносит Сергиевская Лавра. 1877 года, апреля 24 дня». Немногим раньше Лавра молитвенно напутствовала главнокомандующего армией перед его отбытием в Кишинев к месту сосредоточения русских войск накануне их вступления в бон. Мстительный наместник Лавры архим. Антоний благословил его иконой Преподобного Сергия. В Кишиневе, встречая главнокомандующего в кафедральном соборе, правящий епископ Павел засвидетельствовал: «Св. Церковь и Небесный Покровитель русской земли Преподобный Сергий излил на главу твою благословения свои. С теми же благожеланиями и благословениями слетаем и мы тебя здесь; и с нами слетают тебя здесь святые печальники о земле Русской: благоверный великий князь Александр Невский и святитель Митрофан, епископ Воронежский, которых сегодня память. О том, чего они просят для тебя у Господа на небе, мы можем гадать по делам их на земле»¹⁴⁹.

С первых же дней военных действий Русская Православная Церковь горячо молилась о торжестве русского оружия, о том, чтобы Податель жизни и Победитель смерти укрепил христоролюбивое воинство, даровал ему силу совершить начатое во славу Божию и во благо балканских народов, и, совершив великое дело, вернуться домой.

На страницах своей печати она систематически сообщала о ходе военных действий на Балканах ¹⁵⁰.

Во время смущений в русском обществе от наших неудач под Плевной Русская Православная Церковь незамедлительно выступила с ободрительным словом — она обратила внимание соотечественников на то, что эти неудачи имеют частное значение и потому не составляют сущности дела или общего положения. А в этом плане нет оснований для тревожных опасений и уныния. За время течения войны это первые большие наши жертвы, между тем как враги понесли целый ряд утрат. Русские войска только разворачиваются к решительной битве, а османские доведены до крайнего напряжения. Подвиг русского воина свят, потому он и труден, цель его священна, потому она и будет достигнута. Каковы бы ни были жертвы, каковы бы ни случились неудачи, «в конце концов освобождение христиан из-под турецкого ига будет достигнуто», — оптимистично и прямо заявляла церковная печать ¹⁵¹. «Христианский Восток должен быть освобожден от турок во что бы то ни стало... Чем тяжелее наши жертвы, тем обширнее должны быть их результаты... Вопрос восточный — вопрос о судьбе балканских христиан — должен исчезнуть, наконец, с политического горизонта Европы» ¹⁵². «За нами — Бог и невинная, вопиющая на небо, кровь христианских мучеников; в нас же должна быть прежде всего твердая, непреклонная решимость — послужить до конца святому делу. Колебание, смущение наше не только были бы лучшим оружием против нас для врагов наших, но что всего хуже — показывали бы в нас нравственную неустойчивость, непостоянство в добрых стремлениях и намерениях с нашей стороны, а это в свою очередь в корне подтачивало бы успех всего дела нашего» ¹⁵³. Эти слова утешения и ободрения веры, несомненно, приносили добрый плод. Свидетельством их действенности и ценности могут служить следующие строки английской газеты «Таймс», отражавшей на своих страницах окружавшие ее настроения и здравые суждения. «Причины русских поражений, — пишет газета, — теперь известны. Они могли быть злополучны для России в том случае, если бы русский народ мог быть легко обескуражен. Но дело в том, что все военные неудачи в Армении и страшные жертвы под Плевной были перенесены русским народом спокойно и твердо» ¹⁵⁴.

С целью сохранения и поднятия боевого духа армии церковная печать рассказывала о храбрости русских солдат и офицеров, целых полков и лично генералов, подчеркивая их нравственную силу, позволявшую бессмертному Суворову (1729—1800) называть их «чудо-богатырями» ¹⁵⁵. Так об одном кавалеристе крестьянине Тамбовской губернии сообщалось следующее. Окруженный османами, желавшими взять его живым, крестьянин расстрелял все патроны, сломал саблю и, наконец, выхватив у врага наравленное против него ружье, чтобы снять его с лошади, стал им наносить удары по сомкнутой вокруг него роте. И даже тогда, когда враги, потеряв многих убитыми и оставив свое намерение взять его живым, подняли его на штыках, отважный герой продолжал отбиваться, пока окончательно не потерял силы ¹⁵⁶. «Солдат, к какой бы он ни принадлежал нации, в случае получения раны, отступает на третью линию, чтобы перевязать свою рану... Не так поступает русский. Несмотря ни на какие раны, он продолжает драться,

пока не истечет кровью»¹⁵⁷. Образцы мужества являли сами генералы. Гурко (1828—1901) и Скобелев (1843—1882) продолжали хладнокровно совещаться о выборе места для возведения новых укреплений под Плевной, в то время как по ним вели огонь из орудий прямой наводкой. Когда возле них упал третий снаряд и не разорвался, оба генерала побледили, но сохранили прежние позы и не прервали беседы¹⁵⁸. А генерал Драгомиров (1830—1905), будучи ранен в колено, спокойно сел, сам перевязал рану платком, а когда засуетились было хирурги — заявил им, что будет ожидать вместе с солдатами очереди для перевязки¹⁵⁹.

Когда на Западе попытались было оклеветать русского воина за его якобы «варварские» поступки и этим самым подорвать к нему доверие, Русская Православная Церковь раскрывала перед мировой общественностью высокие духовные качества нашего солдата, и прежде всего его глубокую веру в Бога, а как следствие ее — высокое христианское человеколюбие к побежденному врагу, взятому в плен, раненому. Один лютеранский пастор, прибывший на место военных действий вместе с лазаретом из Петербурга, вот как излагал свои впечатления от встреч с русскими солдатами: «В Унгении я заметил часового, караулившего двух турецких пленных. У меня были пироги с говядиной и я предложил один часовому. Думая, что у меня только один пирог, он отказался и предложил мне дать его турку, который, по его мнению, был голоднее, чем он. Когда турок, получив пирог, начал молиться, то часовой, обратясь к другим своим товарищам, шепотом проговорил: „Тише, молчите, турка молится“. Все замолчали»¹⁶⁰. Каждый русский конвойный считал себя не только стражем, а и помощником и ходатаем за порученных ему пленных. И это было не просто выражением его гуманности, а подлинно христианского отношения¹⁶¹. «Только к башибузукам,— по свидетельству священника 48-го пехотного Одесского полка М. Георгиевского,— и то захваченным на месте преступления, за поджогом, например, болгарской хаты, или за любимой ими операцией отрезывания голов, ушей, носов и прочих членов у наших раненых, солдаты относились с явным своим отвращением»¹⁶². В Кишиневе, например, наши раненые солдаты, видевшие сами варварства врагов, попросили сестер милосердия удалить из их палаты турок. Они сказали сестрам, что не могут видеть рядом «злодеев». Тем не менее, когда последние жестами показывали, что хотят пить, русские солдаты давали им не только воду, но и молоко, арбузы. Корреспондент «С.-Петербургских Ведомостей» был свидетелем того, как в одном лазарете Общества Красного Креста русский солдат кормил с ложки соседа турка, ранившего его и в свою очередь раненного им и взятого в плен. «Поешь, сердечный, кашки-то, покушай,— говорил солдат турку.— Что делать, грех случился, зацепил я тебя маленько, на то война — воля Божия, да государева!.. А ты прости меня, не сердись!.. Полегчает тебе... Ох, все-то мы люди, человеки, все — дети одного Отца Небесного»¹⁶³.

Для большей убедительности в высоком нравственном облике русского солдата наша Святая Церковь приводила и объективные свидетельства иностранной печати, в которой говорилось, что еще никогда ни одна армия, находясь на чужой земле, не вела себя лучше, чем русская. Враждебные России корреспонденты с пристрастием следили за

движением и действием каждого русского полка. «Но ни на полях битв, ни в лагерях они не могли указать ни одного факта, ни одного случая, за который русский солдат мог бы устыдиться»¹⁶⁴. Они обнаруживали иное — в самой высокой степени благородство русского воина, неотразимым показателем чего была самая ценная жертва — жизнь «для защиты прав христианства»¹⁶⁵. «Какая прелесть наш русский солдат! — восклицал «Церковный Вестник». — Как добродушен, ласков и учтив в обращении даже с посторонними! Как доволен малым и благодарен за малейшую услугу или сделанный ему подарок! Он всегда готов услужить; на постое у жителей он добровольно колет дрова, носит воду, возится с детьми хозяина...»¹⁶⁶. На поле битвы он ведет себя героем, смело идя на явную смерть, но всегда готов «миловать и оказывать помощь своим раненым врагам»¹⁶⁷. Да и мог ли быть он другим?! Ведь его воспитывала мать Церковь только в добре!.. Невольно вспоминается здесь наставление архиепископа Волынского Димитрия воинам при их выступлении в поход. «Как воины православные, — напоминал архиепископ, — вы прежде и паче всего укрепите себя верой Божией — живой и животворной, которая одна есть победа, побеждающая мир; воодушевите себя святой любовью к Господу Иисусу Христу и ко всем братьям вашим во Христе, которая одна не страшится полагать душу свою за братью свою... Будьте послушны гласу начальников ваших... В этом послушании — безусловном, искреннем, вседушевном — залог победы и торжества... Будьте милосердны и человеколюбивы и к своим врагам, обезоруженным вами, тем паче к безоружным жителям градов и весей земли вражеской... Как воины благочестивые, и сами себя охраняйте от всякой скверны греховной, от всякого преступного и беззаконного дела»¹⁶⁸.

Духовно укрепляя русского солдата в его ратном подвиге и поддерживая его воинскую славу, наша Св. Церковь скорбела во время неудач сражений и матерински радовалась победному освобождению балканских народов, приветствовала победы и звала к новым свершениям. Как великие праздники она отмечала переход русских войск через Дунай и освобождение плененных городов. Особенно выявилась радость Русской Церкви по случаю взятия Плевны. Как только весть о сдаче Османа-паши с армией дошла до Петербурга, у часовни Гостиного двора поздно ночью был совершен благодарственный молебен при необыкновенном религиозном одушевлении. На следующий день молебствие было совершено в Исаакиевском соборе. Несмотря на свои огромные размеры, собор не смог вместить всех молящихся. С таким же количеством верующих была вознесена благодарственная молитва и в Москве святителем Иннокентием. «Ликуй же и веселись, Святая Русь! — призывала Св. Церковь. — Отри слезы печали и украсься победным лавровым венцом, который тебе и твоему святому делу сплели твои дорогие сыны!.. Дай Бог, чтобы скорее завершилось великое освободительное дело России, после чего наступил бы желанный мир, и Россия встретила бы своих сынов, торжественно воспевая хвалебную песнь: „Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение!“»¹⁶⁹.

Но война продолжалась, и пока Русская Православная Церковь вместе с народами России встречала лишь тех, кого пуля врага выводила из боевого строя.

В христианском служении раненым отличилось иночество.

Св. обители земли Русской с первых дней своего бытия не переставали быть охранителями и проводниками тех начал св. Православия, которые воспитывали народ в любви и преданности Церкви и Отечеству. В их стенах не только облегчалась совесть и подавались добрые, сердечные советы к правильному восприятию радостей жизни и печалей, а и обновлялся гражданский дух народа. Они не оставались безучастными в делах общественных, относящихся к народной жизни. Даже те иноки, которые уходили от мира в затворы, в критические моменты оставляли свои уединения и возвращались на время снова в мир, чтобы помочь утверждению согласия и любви между враждующими сторонами или своим христианским словом ослабить, обезвредить зло. Внесли свой посильный вклад иноки и во время Освободительной войны. В отношении раненых воинов этот вклад проявился в том, что монастыри открыли в своих стенах помещения для них и приняли на себя уход за ними¹⁷⁰. Встречали в монастырях раненых трезвоном, подносили им для прикладывания святыни, окропляли св. водой, совершали в их присутствии молебны о победе русского оружия, пели и Вечную память всем на брани убиенным. А иноки Троице-Сергиевой Лавры пришли встречать раненых на железнодорожный вокзал. С собой они принесли Св. Крест, панагию с частицей мощей Преподобного Сергия и икону Преподобного. Короткое время спустя раненые уже были в госпитальных обителях, окруженные попечением монастырских врачей, фельдшеров и санитаров¹⁷¹.

В октябре 1877 г. Святейший Синод вынес специальное определение, предписывавшее всем епархиальным епископам и настоятелям ставропигиальных монастырей передать в распоряжение Общества Красного Креста все свободные или могущие освободиться монастырские помещения (особенно в монастырях возле железных дорог) для устройства в них госпиталей для раненых¹⁷². Кроме того, в самом начале войны Святейший Синод пожертвовал на санитарные нужды действующей армии большую сумму денег и указал всему духовенству поступать подобным образом¹⁷³. В пользу раненых он благословил тарелочный сбор при каждом богослужении¹⁷⁴, а церковно-приходские попечительства, которых насчитывалось в России более 10 тысяч, привлёк к оказанию пособия семействам воинов¹⁷⁵. Чтобы данные распоряжения были неукоснительно и незамедлительно проведены в жизнь, Святейший Синод затребовал от всех епархий и всех церковных учреждений доставлять ему сведения об их выполнении¹⁷⁶.

Вовлеченность Русской Православной Церкви в судьбы балканских народов была настолько велика, что ее служители выступали с советами, как вести бой, причем выступали даже те, которые, казалось бы, далеки от тревог мира сего. Так, Вышенский подвижник-затворник епископ Феофан писал: «Война! — Благослови Господи! — Зачем это наши, переходя за Дунай, всегда берутся с крепостями?! Мне думается, что, перешедши за Дунай, надобно около крепостей устроить только сильную блокаду, чтобы турки не могли оттуда носа показать; действующей же армией идти далее без остановки, — через Балканы к Константинополю. Пусть около крепостей останется тысяч сто, и столько же идет далее. Первая будет покоящаяся армия и стерегущая, а вто-

рая — действующая. Дело первой будет иметь в своих руках все дороги чрез Дунай и не выпускать турецкого войска из крепостей; а дело второй — бить или добывать остальную армию турецкую. Конечно, при таком порядке потребуется более войска, но зато оно будет сохраннее. Войско около крепостей все будет цело, ибо турки побоятся делать нападение. Надо только устроить, чтобы оно в здоровых местах расположено было и продовольствие получало достаточное... Войска побольше лустит в дело, — и оно будет целее, и дело сделается и скорее и успешнее...»¹⁷⁷.

Со страниц церковной печати православные люди услышали и мудрые слова о правилах боя опытного генерала Гурко, командовавшего отрядом гвардии под Плевной, с 70-тысячным отрядом совершившего переход через Балканы, занявшего Софию и разбившего турок под Филиппополем. «Бой, — говорил генерал, — при правильном обучении не представляет ничего особенного, это то же учение с боевыми патронами, только требует еще большего спокойствия, еще большего порядка... Турки, братцы, стреляют издалека и стреляют много, это их дело; а вы, братцы, стреляйте, как вас учили — умной пулей, редко, но метко...»¹⁷⁸.

С целью поддержания в русском обществе стремления к скорейшему освобождению балканских народов Русская Православная Церковь на страницах своего официального органа еженедельно, под специальными рубриками «Что делается в Турции с христианами» и «Скорбная летопись христианского востока», свидетельствовала о страданиях единомерных. Этим свидетельством восстанавливались все новые и новые силы для борьбы с угнетателями¹⁷⁹.

Хотя внимание православной Руси было обращено на нужды своей армии, на инвалидов и сирот погибших, но она и в эти минуты слышала голос страждущих за линией фронта, в частности, в Черногории. В разгар войны в церковной печати появились призывы помочь бедствующим, доходившим до полного обнищания в результате постоянных сражений с турками, постоянных отвлечений от всяких домашних и хозяйственных занятий¹⁸⁰.

О пожертвованиях православного русского народа при подобных обстоятельствах уже говорилось выше. Теперь же они достигли вершины. И если для описания жертв, бывших до начала Освободительной войны, требуется специальная работа, то тем более это следует иметь в виду сейчас¹⁸¹.

Над всем возвышался изумительный подвиг «русского солдата — с его добродушием и простотой, с несокрушимой мощью верующего, смиренного духа... воинской твердостью и человеческим сердечным незлобием»¹⁸².

Один из русских свидетелей тогдашних событий вот как писал о них в своих «Воспоминаниях»: «Настроение фронта находилось в полном соответствии с настроением тыла. В начале войны я наблюдал это настроение в Москве, потом в деревне в Московской губернии, потом в Калуге, где, вследствие переезда моей семьи, я поступил в гимназию с осени 1877 года... Я помню энтузиазм в начале войны, когда в городах и деревнях жадно ловили известия, восторженно приветствуя всякий геройский подвиг и устраивая триумфальные встречи поездам с ра-

ненными. Потом я вспоминаю минуты тяжелой скорби и мучительной тревоги во время плевненских неудач и шипкинских дней, когда, казалось, русская армия находится на волоске от гибели. Одни молились, другие приходили в ярость, говоря о преступном легкомыслии властей, третьи безмолвно и тихо страдали. И все, кто мог, жертвовали и помогали устройству санитарной помощи»¹⁸³.

19 февраля (3 марта) 1878 г. в Сан-Стефано — под стенами Константинополя — был подписан мирный договор, статьи которого провозгласили «истину и свободу там, где до того времени царили ложь и рабство»¹⁸⁴. Согласно «Сан-Стефанскому договору на Балканском полуострове создавалось большое славянское государство, охватившее всю Болгарию и Македонию»¹⁸⁵. Этот договор принес свободу не только Болгарии, но также провозгласил независимость Сербии, Черногории и Румынии. И хотя недоброжелатели на Берлинском конгрессе уменьшили добытое, но путь к доброму будущему балканских народов остался расчищен и открыт¹⁸⁶.

* * *

Бросая общий взгляд на семидесятые годы прошлого столетия, живо представляешь геройские подвиги, большие жертвы, трудности, лишения, славные результаты. Во всем этом участвовал весь русский народ: власти, воинство, Церковь, общественные учреждения и частные лица. Величие подвигов русских воинов возвышало не только русскую армию, но и весь русский народ, из которого они вышли и который хранил в себе неистощимые запасы нравственной силы, энергии, мужества. Эти подвиги не в меньшей мере поднимали в глазах всего мира и значение нашей Святой Православной Русской Церкви. «Если бы не ее вдохновенные призывы к русским правителям и русским людям, — говорил в 1948 г. в Москве на Совещании глав и представителей автокефальных Православных Церквей Блаженнейший Экзарх Болгарский Стефан, — может быть, и донныне румыны, греки, сербы и болгары страдали бы под турецким игом»¹⁸⁷. Кто, как не она, пробуждала горячее сочувствие к единоверным, где бы они ни находились! Вызывала к жизни в нашем народе высокие чувства любви к добру и правде! Утверждала в непоколебимой преданности и безграничном доверии к благим начинаниям! Воспитывала готовность к самопожертвованию за святое дело освобождения без вины угнетенных и страждущих! «Что подняло народ наш на эту нравственную высоту, что соединило всех в одной мысли, в одном чувстве, в одном подвиге самоотвержения? — спрашивает епископ Можайский Амвросий и отвечает: — Святая вера Православия»¹⁸⁸. «Выше и дороже всего для русского человека, — заявлял тогда же «Церковный Вестник», — святость и неприкосновенность религиозных убеждений»¹⁸⁹. Эту религиозность русского человека как характерную его черту отмечали в XIX столетии и зарубежные наблюдатели. «Русские, — писал английский корреспондент, — умерли, конечно, не за ту или другую статью мнимого политического завещания Петра Великого, не в видах проложения Россией пути в Индию. Они взялись за оружие потому, что сочли дело христиан своим собственным делом и дали полное доказательство своего убеждения»¹⁹⁰.

«В исторических событиях 1877—1878 гг., — хочется закончить дан-

ный раздел словами митрополита Ростовского и Новочеркасского Владимира, Патриаршего Экзарха Западной Европы,— Русская Церковь явила себя Церковью великого народа-освободителя, путем страданий и смерти совершившего дело воскрешения славянских братьев»¹⁹¹.

И в близкое к нам время — в суровые годы второй мировой войны Русская Православная Церковь выступила в неразрывном единстве со своим великим Отечеством, не только изгнавшим врага со своей территории, но и принесшим вторично свободу балканским народам.

Русская Православная Церковь за освобождение балканских народов от фашистских оккупантов во второй мировой войне

Стремясь к мировому господству, гитлеровская Германия в 1939—1940 гг. оккупировала ряд европейских стран (в сентябре 1939 года Польшу, в апреле — мае 1940 года Данию, Норвегию, Бельгию, Нидерланды, Люксембург, в июне Францию), а в 1941 году протянула свою руку и на Балканы — в марте 1941 года она ввела свои войска в Болгарию, в апреле захватила территорию Греции и Югославии. 22 июня 1941 года она напала на Советский Союз — началась Великая Отечественная война, поставившая «перед нашей Родиной возвышенные, благородные цели — изгнать захватчиков с территории нашей страны и содействовать освобождению от гитлеровского ига всех порабожденных им братских народов»¹⁹².

В первый же день войны Русская Православная Церковь устами своего предстоятеля Патриаршего Местоблюстителя митрополита Московского и Коломенского Сергия решительно заявила: «Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг... благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины»¹⁹³.

Во всех храмах стали возноситься горячие молитвы о даровании нашему Отечеству победы. Архипастыри и пастыри Русской Церкви во имя православной веры ободряли малодушных, утешали огорченных, напоминали о долге колеблющимся — всех неустанно призывали на общий подвиг. За каждым богослужением, как это было и в семидесятые годы прошлого столетия, производились сборы пожертвований, складывавшиеся в немалые суммы¹⁹⁴, на оборону и вообще на нужды, вызываемые войной. На фронте успешно действовали созданные средствами Русской Церкви танковая колонна им. Дмитрия Донского и воздушная эскадрилья им. Александра Невского...

Митрополит Сергий обращался от лица Русской Православной Церкви со специальными посланиями ко всем христианам оккупированных стран и особенно к православным Балкан — Югославии, Греции, Румынии, к румынским солдатам. Одних он с братской любовью и сердечным сочувствием к переносимым страданиям от фашистов поддерживал в героической борьбе против насильников-оккупантов¹⁹⁵, других убеждал в необходимости отречься от подневольного союза с Гитлером и призывал прекратить проливать братскую кровь единоверного рус-

ского народа¹⁹⁶. Патриарший Местоблюститель обращал внимание на то, что фашисты — злейшие враги человечества; что они грабили оккупированные страны, увозили из них в Германию хлеб, нефть, обрекая людей на голод. Всюду, где ступала нога гитлеровского солдата, приходили смерть и опустошение. «Православные христиане-румыны,— писали в декабре 1942 г. румынским пастырям и пастве русские архипастыри,— не должны и не могут забыть того, как в первое время войны гитлеровцы бомбили румынские города, как они разрушали православные храмы в Кишиневе, Бельске и других городах, убивая при этом сотни и тысячи верующих стариков, старух и детей»¹⁹⁷.

Продолжая вызывать законный гнев у балканских народов против фашистов, русские церковные деятели сообщали об удалении Митрополита Афинского Хрисанфа, Патриарха Сербского Гавриила, выступившего с призывом протестовать против присоединения Югославии к «новому порядку» в Европе, о наложении опалы на Митрополита Софийского Стефана, дерзнувшего назвать войну «величайшим грехопадением» и обвинившего тех, кто ее начал. В «Журнале Московской Патриархии» было напечатано обращение сербских священников к сербскому народу, в котором приводились факты уничтожения сотен тысяч сербов, хорватов, македонцев, черногорцев, народных патриотов-бойцов и членов их семей. «Фашизм,— говорилось в обращении,— это извечный враг сербского народа. Немецкие фашисты пришли в Югославию не только для того, чтобы поработить, но и для того, чтобы нас уничтожить, совершенно стереть нашу родину с карты Европы»¹⁹⁸. В Словении и Словакии фашисты ополчились по преимуществу на православное духовенство, так как оно явилось стойким выразителем и поборником народного национального духа. Духовенство Словакии отказывалось произносить в проповедях обязательные фразы: «Гитлер — сын Божий, Гитлер — отец христианства». А когда Министерство внутренних дел Словакии потребовало от священнослужителей представлять ему тексты проповедей для разрешения к произношению, приказ этот вызвал негодование у духовенства. «Негодование пастырей поработенных Гитлером стран полностью разделяем мы,— заявили тогда же русские православные священники.— Высокий дух веры объединяет всех православных христиан и придает им силы бороться с ненавистным врагом до победного конца»¹⁹⁹.

Вывод ясен: у православных людей, оказавшихся на оккупированных территориях, не должно было рождаться что-либо общее с «фашистскими грабителями и насильниками», с теми, кто возрождал «культ почитания языческого бога Вотана»²⁰⁰. «А мы, русские,— свидетельствовал перед балканскими народами Патриарший Местоблюститель Митрополит Сергей,— братья с вами по вере, братья по мирному соседству, в котором мы целые века жили, не мешая друг другу...»²⁰¹.

Достаточно вспомнить сейчас хотя бы отдельные высказывания митрополитов Сергея и Николая, призывы церковной печати, чтобы убедиться в том, что Русская Православная Церковь не только твердо стояла на стороне борьбы за освобождение балканских народов от фашистских оккупантов, но и вносила в эту борьбу свою лепту. «Неужели сербы, не один раз за веру и отечество всенародно полагававшие свою жизнь, когда-нибудь успокоятся под фашистским сапогом? Неужели

замолкнет когда-нибудь их орлиный клич: «Пусть Душан знает, что сербы живы, сербы свободны!» — говорилось в пасхальном послании от 23 апреля 1943 г. Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Московского Сергия ко всем христианам в Югославии, Чехословакии, Элладе и прочих странах, к православным народам, пребывающим в плену фашистских застенков. — Неужели православный греческий народ может остаться на фашистской цепи? В прошлом он, несомненно, был призван идти впереди человечества (по крайней мере европейского) в области духовной культуры... Вообразить себе греческий народ на фашистской цепи — это значило бы повторить картину из далекой старины, когда знаменитые ученые врачи в цепях, как рабы, осматривали своих пациентов — варваров-владельцев»²⁰². «Весь христианский мир следит за поведением румынских пастырей, — обращались 9 декабря 1942 г. от лица Русской Православной Церкви митрополит Московский Сергий и митрополит Киевский Николай к румынским пастырям и пастве. — Как скоро румынские православные христиане обратят свой гнев против поработителей Западной Европы и в том числе их страны — гитлеровских разбойников?»²⁰³. «Призываем всех честных сербов-патриотов вступать в ряды народно-освободительной армии, которая ведет священную борьбу за свободу отечества! — читаем на страницах «Журнала Московской Патриархии». — Все честные сербы, идите в народный фронт свободы!.. Все вперед, вместе с братскими славянскими народами Советского Союза, за славную победу над немецким фашизмом»²⁰⁴. «Народ наш, — как бы продолжая это воззвание, пишет сербам Патриарший Местоблюститель митрополит Сергий, — всем сердцем и мыслью с вами. Он готов и на деле участвовать в вашем подвиге, и проливать кровь вместе с вами за веру и вашу свободу. Вспомним, с каким восторгом в семидесятых годах снаряжал наш народ добровольцев в Сербию»²⁰⁵.

Русская Православная Церковь восхваляла героическую борьбу югославских и греческих партизан против оккупантов²⁰⁶ и подчеркивала участие в этой борьбе священников. Оккупанты пытались было оклеветать священников-партизан Югославии, стараясь представить их изменниками веры и народа. Но священников-партизан эта ложь не смущала: они действовали так, как учила их Святосавская Церковь и как им подсказывал дух предков — они были с народом в дни мира, с ним же они остались и в дни войны. Таким действием священники-партизаны Югославии рассеяли клевету врагов и возвеличили Святую Православную Церковь и свой народ²⁰⁷.

Вместе с тем Русская Православная Церковь напоминала, что балканским народам требуются новые усилия, чтобы свергнуть фашистское рабство и рассыпать военную германскую машину²⁰⁸. Впереди предстояли еще «решающие бои», и Русская Православная Церковь взывала, чтобы среди славян не было ни одного равнодушного, не содействующего всеми своими возможностями разгрому врага²⁰⁹. Особое слово обратила наша Святая Церковь к православным румынским женщинам: «Дорожа верой отцов наших, удерживайте своих отцов, мужей и сыновей от несмываемого пред Господом и человечеством греха — соучастия в этой богоборческой, сатанинской, направленной на истребление человечества и святого Православия войне»²¹⁰. Рабочих и слу-

жащих Святая Церковь увещевала всеми мерами уклоняться от немецкой работы. А если нельзя совсем уклониться, то работать так, чтобы от этой работы больше было вреда врагу, чем пользы. «Рабочий, умирающий от рук фашистов за вредительство в работе,— не менее герой, не менее мученик за веру, чем и воин, павший в бою»²¹¹. Всех православных Балканского полуострова наша Святая Церковь призывала или вовсе не вступать в союз с гитлеровцами, или отречься от этого союза и «едиными устами умолять Господа нашего вернуть странам нашим мир и процветание, а изверга рода человеческого Гитлера да покарает рука Всевышнего»²¹². «Пусть еще ярче разгорится у вас светильник Православия,— говорила Русская Церковь пребывавшим в фашистском плену славянам и грекам,— еще пламеннее будет ваша любовь к родине и ее свободе, еще непримиримее ваше отвращение ко всяким попыткам смягчить, если не сломить, ваше противление врагу и его жалким слугам»²¹³.

Как только трудящиеся Румынии, в обстановке разгрома Советской Армией фашистских войск в Яссо-Кишиневской операции 1944 г. и начавшегося освобождения Румынии, свергли военно-фашистскую диктатуру, и новое румынское правительство в августе того же года выступило против фашистской Германии, Русская Православная Церковь вместе со всем народом своего Отечества с большим душевным удовлетворением приняла эту добрую весть. Наша Св. Церковь горячо приветствовала и благословила это решение единоверного народа и призывала румынское духовенство и паству всеми силами помогать его выполнению. «Со всею твердостью станьте же вы, пастыри и паства румынские, на страже благих намерений вашего народа»,— призывал ставший после кончины Святейшего Патриарха Сергия Местоблюстителем Московского Патриаршего Престола митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей²¹⁴.

Так же, когда болгарский народ после вступления советских войск на территорию Болгарии сверг фашистский режим (9 сентября 1944 года) и Первосвятитель Болгарской Церкви митрополит Софийский Стефан призвал благословение Божие на новое подлинно народное болгарское правительство, Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Алексей обратился к митрополиту Стефану со специальным письмом-приветствием. «С чувством братской о Христе любви,— говорилось в письме,— шлю я Вам, а через Вас и всему клиру и верующим болгарского народа от своего лица и от лица Священного Синода Православной Русской Церкви сердечный привет и выражение нашей общей радости по случаю вступления и Вашего народа в ряды народов — борцов за правду против сатанинских сил германского фашизма... Болгарский народ близок русскому народу не только по единству племенного происхождения и по языку, на котором, в древнейшем его виде, наша Церковь доньше предлагает народу Священное Писание и совершает Божественную службу, но и по единству православной веры. И, таким образом, естественное братство возвышено братством духовным». Митрополит Алексей выразил надежду, что родственная любовь, «связующая наши народы, будет совершенствоваться... любовью христианской и... наши народы будут неизменно пребывать в живом единении»²¹⁵.

* * *

Помогая своему Отечеству изгнать врага из его пределов и пределов захваченных им других стран, наша Святая Церковь действовала не в надежде на свою собственную выгоду, не в лукавом расчете, что победит наша страна, а во исполнение лежащего на ней священного — православного долга — материнского долга, а мать видит смысл своей жизни в спасении детей. «Православие есть истинное выражение национального духа русского народа и наших братьев славян», — говорилось в выпущенной в разгар войны Московской Патриархией книге «Правда о религии в России», 1942 год²¹⁶. «И пусть никто не подумает ни на мгновенье, — говорил в то же суровое время 2 июля 1941 г. на грандиозном народном собрании в Мэдисон Сквер Гардене Экзарх Московской Патриархии в Америке митрополит Вениамин, — что наша Патриаршая Церковь только лицемерно, по страху была лояльной Советской власти! Нет и нет! Церковь всегда была совершенно искренно лояльна к власти. Лояльна по причинам религиозным. А теперь она вдвойне будет верна! Мы это знаем! Мы это и по себе чувствуем здесь и понимаем. И линия наша ясна и чиста! Божий путь не гнется! Церковь не была и не имеет права быть лицемерной! Лик ее ясен и теперь!»²¹⁷

И еще хочется в завершение сказать об одном факте.

В мае — июне 1946 г., во время празднования в Болгарии 1000-летия со дня кончины преподобного Иоанна Рыльского, Болгарскую Церковь посетил Патриарх Алексей. «Это важное событие — чествование 1000-летия Иоанна Рыльского, — говорил тогда Георгий Димитров, — имеет большое, особое значение в связи с тем фактом, что между нами находится Всероссийский Патриарх Алексей. Кто из вас, наши синодальные старцы и церковные деятели, никогда не интересовался Русской Православной Церковью?... Дорогие церковные деятели, будьте способны поучаться великому русскому опыту, следуйте примеру великой Русской Церкви, и тогда будет единство между Болгарской Церковью и болгарским народом, соединенным в Отечественном фронте»²¹⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

26 февраля 1878 года, ровно через неделю после подписания Сан-Стефанского мирного договора, в Успенском соборе г. Москвы епископом Можайским Амвросием было произнесено слово, в котором кратко, но точно дана оценка всенародного подвига России для блага балканских народов, что можно принять как своеобразный итог всему вышесказанному: «Да будет благословенно наше победоносное воинство — краса и слава нашего Отечества, его полководцы, его храбрые витязи-предводители и все эти ряды дивных воинов в битвах бесстрашных, в трудах неутомимых, в лишениях терпеливых, в ранах и страданиях безропотных, в смерти сияющих мучеников, — говорил еп. Амвросий. — Да будет благословенна память тех из них, которые сложили кости свои на землях освобожденных ими братьев в залог вечного духовного единения нашего с ними и любви их к нам... Да будут благословенны русские жены и девы... и в богатых палатах, и в бедных хижинах, и в душных лазаретах, и на полях битв неустанно работавшие и трудившиеся для воинов... Они открыли новую нравственную силу в народе нашем, они сумели дать великое подкрепление нашему несравненному

воинству... Да будут благословенны врачи и их сотрудники, бесстрашно и с самоотвержением трудившиеся в исполнении своей тяжелой обязанности... Да будут благословенны все добрые сыны и дщери Русской земли,— от края и до края ее,— принимавшие участие в великом подвиге трудами, пожертвованиями, молитвами, умной мыслью, честным и правдивым словом... Благодарение Богу, все принесли, что могли, на великое дело. И надолго этот подвиг, совершенный нашим отечеством, будет источником его нравственного освящения, одушевления, силы и могущества»²¹⁹.

Вклад Русской Православной Церкви в национально-освободительное движение балканских народов огромен и непреходящ. Наша Святая Церковь не только постоянно возносила свои горячие молитвы к Престолу Божию за единоверных и единоплеменных православных христиан Балканского полуострова, но и содействовала укреплению их национального самосознания, поддерживала их в борьбе за независимость, собирала для них бесчисленные жертвы и отправляла им материальную помощь, призвала своих сынов самим выступить с оружием в руках на их защиту... И это содействие ширилось, росло и развивалось. Можно с уверенностью говорить, что успехи Освободительной войны 1877—1878 гг., принесшей свободу балканским народам, в значительной степени достигнуты благодаря нашей Святой Церкви. Именно она, рассказывая о страданиях православных братьев, утверждала в своей пастве чувства сострадания и любви к ним, объединяла всю Русь в единый добрый порыв — вырвать страждущих из османского ига.

И в последнюю мировую войну Русская Православная Церковь внесла свою лепту в дело победы.

Признательность балканских народов за совершенные подвиги столь же велика, как велики жертвы для них Русской Православной Церкви, всей России. «Мы нигде и никогда не таили и не стыдились своих сердечных сочувствий и благодарности России, которая всегда хранила нас и помогала нам,— заявлял Предстоятель Сербской Православной Церкви Митрополит Михаил. — Счастливые в своем могущественном отечестве геройские братья наши русские поспешили к нам на помощь, чтобы охранить братьев наших и освободить землю святых Неманичей от невыносимого ига... Поэтому будет же вечная благодарность благодарным, добродушным и геройским братьям нашим!»²²⁰. «Мы,— писали сербы,— обязаны им вечной признательностью, которую завещаем нашим детям. И если даже в нашей среде явятся эгоисты, которые дерзнут возвысить свой голос против братьев русских, они будут сочтены ренегатами, и мы первые поспешим признать их не принадлежащими к нашей народности»²²¹. А вот как свидетельствовал уже в наши дни Предстоятель Болгарской Православной Церкви Митрополит Стефан: «Болгарская Православная Церковь и православный болгарский народ будут вечно благодарны и признательны Русской Православной Церкви и великому братскому русскому народу за спасительную защиту и поддержку, которые те оказали нам, болгарам, для сохранения не только нашей славяно-болгарской народности, но и нашей святой православной веры. Особенно сильно была проявлена и чувствовалась эта защита во время тяжкого пятивекового рабства болгарского народа, конец которому положил братолюбивый и христоролюбивый русский на-

род. Величайшие блага нашего народа — его святая православная вера, его славяно-болгарская народность и его народная держава — могли сохраниться главным образом при помощи Русской Православной Церкви и братского русского народа. Поэтому благодарность им и преданность нашего народа будут сердечны и глубоки, неизменны и вечны»²²². Другой великий болгарин и вождь болгарского народа Георгий Димитров 15 марта 1948 г. по прибытии болгарской правительственной делегации в СССР для заключения договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Народной Республикой Болгарией говорил: «Вступая на дорожку московскую землю, первым нашим словом мы хотим выразить глубочайшую признательность и безграничную благодарность народам Советского Союза и, прежде всего, великому русскому народу за то, что они два раза освободили Болгарию от чужеземного ига. В первый раз — от пятнадцатого рабства, во второй раз — от немецко-фашистской кабалы»²²³.

Сердце православного русского христианина, как и всякого советского человека, радуется, что народы Балкан свято хранят память о жертвенной любви народов нашей страны. Благодарная память — это лучшая черта народа, она «служит доказательством его нравственной доблести, его духовной внутренней крепости». Вместе с тем она является крепкой основой для дальнейшей теснейшей и сердечнейшей дружбы²²⁴.

Верим, что русско-балканское церковно-народное братство и дружба, скрепленные многими факторами, в том числе и ратным подвигом, будут жить вовеки!

Да будет и впредь славно служение Русской Православной Церкви своей великой Родине и дружественным народам!.. Сегодня на стыке двух тысячелетий со дня Крещения Руси мы призываемся к неослабному духовному подвигу, к усердному и примерному труду. Так пусть же каждый православный христианин нашей Святой Церкви выйдет, по слову Псалмопевца, «на дело свое и на делание свое до вечера» (Пс. 103, 23).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Патриарх Алексий. Слова, речи, послания, обращения. Т. IV. 1963, с. 94—95.

² Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Фонд № 156 В. В. Макушева. Картон № 1, л. 37 (на об.). См. изображение отношения Османской Порты к православному христианскому народу у А. П. Лебедева. История Греко-Восточной Церкви под властью турок. От падения Константинополя (в 1453 г.) до настоящего времени. СПб., 1903, с. 129—164.

³ Рассказ бессарабского священника о страданиях под турецким игом православных болгар. — Церковный Вестник, 1875, № 46, ноябрь, с. 10 (далее «Церковный Вестник» будет обозначаться: ЦВ). См. правдивое изображение страшной картины положения христиан в Османской империи в сборнике документов и материалов под редакцией М. Г. Нерсисяна: Геноцид армян в Османской империи. Ереван, 1982.

⁴ Цит. по кн.: Анастасий, архимандрит. Дух восточного Православия, западной цивилизации и папизма, проявившийся при борьбе славян с турками. — ЦВ, 1876, № 42, окт., с. 1.

⁵ М. Воздвиженский, священник. Современное обозрение. Славянский вопрос. — «Православное обозрение», 1877, т. 1, с. 199—200. См. также. Результаты войн России с Турцией. — ЦВ, 1878, № 28, июль, с. 9; П. К. Фортунатов. Боевой русско-болгарский союз в войне 1877—1878 гг. Освобождение Болгарии от турецкого ига. Сборник статей. Изд-во Академии наук СССР. М., 1953, с. 47.

- ⁶ Из герцеговинской летописи.—ЦВ, 1876, № 2, янв., с. 17. Ср.: Восточная Церковь в Греции, Румынии и Сербии в прошлом году.—ЦВ, 1875, № 2, янв., с. 16.
- ⁷ Нужды восставших славян.—ЦВ, 1876, № 41, окт., с. 9—10.
- ⁸ А. С. Хомяков. Стихотворения и драмы. Л. о. изд-ва «Советский писатель», 1969, с. 133—134. Ср.: Православное обозрение, 1877, ч. 1, с. 399—400. Есть мнение, что на славянофилов оказывала влияние Оптиная пустынь в направлении поддержания у славян стремления к свободе.
- ⁹ Панславизм.—ЦВ, 1876, № 51, дек., с. 2.
- ¹⁰ Ф. Курганов. Устройство управления в Церкви королевства Греческого. Казань, 1871, с. 65. См. также: Первоученик за свободу греков.—ЦВ, 1877, № 20, май, с. 17. Памятник Патриарху Григорию V.—ЦВ, 1877, № 18, май, с. 17—18. Константинопольская Патриархия, греки и славянская борьба.—ЦВ, 1876, № 32, авг., с. 1—2. Православный Восток в минувшем году.—ЦВ, 1877, № 3, янв., с. 1. Константинопольская Патриархия и Восточный вопрос.—ЦВ, 1877, № 25, июнь, с. 2. Новые документы Константинопольской Патриархии.—ЦВ, 1877, № 27, июль, с. 6—7.
- ¹¹ Даже в русской художественной литературе отмечалась тяга русской интеллигенции оказать помощь грекам. Например, это отмечено у великого русского писателя А. С. Пушкина (1799—1837) в повести «Выстрел», т. 4, М., 1949, с. 68.
- ¹² «Главное, — писал в конце XIX столетия проф. И. Корсунский, — русской кровью наконец добыто было освобождение Греции из-под многовекового владычества Турции и положено было начало теперешнему королевству Греческому». (Проф. И. Корсунский. Святитель Филарет, митрополит Московский. Его жизнь и деятельность на московской кафедре по его проповедям, в связи с событиями и обстоятельствами того времени (1821—1867). Харьков, 1894, с. 248).
- ¹³ Летопись. Результаты Константинопольской конференции.—ЦВ, 1877, № 3, янв., с. 18.
- ¹⁴ Россия, Греция и Западная Европа во время Крымской войны.—ЦВ, 1876, № 45, ноябрь, с. 2.
- ¹⁵ Панславизм. Указ. изд., с. 2.
- ¹⁶ Даже в 1878 г. «Церковный Вестник» сообщал, что последствия Парижского мира 1856 г. «чувствуются и по настоящее время». № 28, июль, с. 9.
- ¹⁷ Воззвание покойного митрополита Московского Филарета. — ЦВ, 1876, № 29, июль, с. 1.
- ¹⁸ Рамушевский. Цели и стремления турков. Деревенские письма. — ЦВ, 1877, № 27, июль, с. 2.
- ¹⁹ Воззвание боснийских и герцеговинских христиан к английскому народу.—ЦВ, 1877, № 31, авг., с. 9.
- ²⁰ См.: Борьба греков за независимость.—ЦВ, 1878, № 9, март, с. 12.
- ²¹ Путешествие греческого министра по европейским столицам.—ЦВ, 1878, № 34, сент., с. 11.
- ²² Последние известия по восточному вопросу.—ЦВ, 1878, № 25, июль, с. 9.
- ²³ См.: Одно из верных средств к нравственному единению греков с нами и с славянами.—ЦВ, 1876, № 47, ноябрь, с. 1—3.
- ²⁴ История как орудие к возбуждению племенной вражды между греками и славянами.—ЦВ, 1876, № 46, ноябрь, с. 1.
- ²⁵ Политическая пропаганда против России на востоке.—ЦВ, 1877, № 32, авг., с. 2.
- ²⁶ Там же, с. 2.
- ²⁷ Греки и западная печать.—ЦВ, 1876, № 42, окт., с. 5. Ср.: ЦВ, 1876, № 43, с. 2.
- ²⁸ История как орудие к возбуждению племенной вражды между греками и славянами. Указ. изд., с. 3. Ср.: Панславизм.—ЦВ, 1876, № 51, дек., с. 1—3.
- ²⁹ См.: К греко-славянской взаимности.—ЦВ, 1876, № 43, окт., с. 1—3.
- ³⁰ Гудас. Прошедшее, настоящее и будущее востока.—ЦВ, 1877, № 16, апр., с. 4.
- ³¹ Возвращения греческих газет о помощи славянским борцам и их результаты.—ЦВ, 1876, № 36, сент., с. 4.
- ³² Что подумывают греки?—ЦВ, 1878, № 17, май, с. 6.
- ³³ Летопись. Последние известия по Восточному вопросу.—ЦВ, 1878, № 24, июнь, с. 10.
- ³⁴ Панславизм. Указ. изд., с. 2, 3.
- ³⁵ А. Петров. Война России с Турцией 1806—1812 гг. Т. 1, с. 194.
- ³⁶ См.: Результаты войн России с Турцией. Указ. изд., с. 9.

- ³⁶ История Христианской Церкви в XIX веке. Издание А. П. Лопухина. Т. II. СПб., 1904, с. 467.
- ³⁷ См. тексты их и ответ князя А. Кузы с критическим разбором этого ответа Митрополитом Московским Филаретом и ректором Московской Духовной Академии профессором протонереем А. Горским: *В. Колокольцев. Устройство управления Румынской Православной Церкви (со времени ее автокефальности). Историко-каноническое исследование.* Казань, 1897, с. 21—31; 44—56.
- ³⁸ См.: *В. Колокольцев.* Указ. соч., с. 31—34.
- ³⁹ Там же, с. 37—43.
- ⁴⁰ *Митрополит Филарет.* Проект послания от Святейшего Синода Вселенскому Патриарху, Архиепископу Софронию, составленный митрополитом Филаретом. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. V, ч. 2. М., 1888, с. 806—808.
- ⁴¹ Встреча государя императора в Румынии.— ЦВ, 1877, № 22, июнь, с. 8—9.
- ⁴² Православный восток в минувшем году.— ЦВ, 1878, № 2, янв., с. 1.
- ⁴³ Письмо Сербского митрополита.— ЦВ, 1876, № 29, июль, с. 2.
- ⁴⁴ Адрес сербскому митрополиту Михаилу от международного комитета пособия герцеговинцам.— ЦВ, 1875, № 37, сент., с. 23. Ср.: Положение дел в югославянских православных Церквах.— ЦВ, 1875, № 31, авг., с. 16. Зверства турок.— ЦВ, 1876, № 32, авг., с. 13—14.
- ⁴⁵ *А. Иванцов-Платонов, протонерей.* Слово при обновлении храма на подворье Сербской митрополии в Москве 5 ноября 1878 г.— Православное Обозрение, 1878, ноябрь, с. 597.
- ⁴⁶ Летопись. Положение славянских семейств, бежавших из Боснии и Герцеговины.— ЦВ, 1876, № 8, фев., с. 9.
- ⁴⁷ Скорбная летопись христианского востока.— ЦВ, 1877, № 15, апр., с. 14.
- ⁴⁸ Воззвание боснийских и герцеговинских христиан к английскому народу.— ЦВ, 1876, № 31, авг., с. 9—10. Ср.: Воззвание Сербского митрополита Михаила.— ЦВ, 1875, № 38, сент., с. 10.
- ⁴⁹ Летопись. Из герцеговинской летописи.— ЦВ, 1875, № 44, ноябрь, с. 16.
- ⁵⁰ Воззвание Сербского митрополита.— ЦВ, 1875, № 38, сент., с. 10.
- ⁵¹ См.: Письмо воспитанников Новочеркасской гимназии генералу Чернову и ответ его.— ЦВ, 1876, № 44, ноябрь, с. 15.
- ⁵² Церковь в Герцеговине.— ЦВ, 1876, № 26, июль, с. 12.
- ⁵³ Из герцеговинской летописи.— ЦВ, 1875, № 40, окт., с. 18—19.
- ⁵⁴ См. ЦВ, 1876, № 4, янв., с. 7—8.
- ⁵⁵ См.: Предложение Его Высокопреосвященства Антония, архиепископа Казанского, Казанской Духовной консистории.— ЦВ, 1876, № 35, сент., с. 10.
- ⁵⁶ Воззвание о пожертвовании южным славянам.— ЦВ, 1876, № 31, авг., с. 2.
- ⁵⁷ См., например, слово архиепископа Донского Платона.— ЦВ, 1875, № 44, ноябрь, с. 16. *Адриан Мухин*, священник. Поучение о помощи страждущим на юге славянам, сказанное прихожанам пред озимым посевом.— ЦВ, 1876, № 48, дек., с. 11—12 и др.
- ⁵⁸ См.: Заседание Славянского комитета 14 июля в Москве.— ЦВ, 1876, № 29, июль, с. 3. Ср.: Летопись всероссийских пожертвований.— ЦВ, 1876, № 36, сент., с. 9. Из герцеговинской летописи.— ЦВ, 1876, № 1, янв., с. 17; ЦВ, 1875, № 41, окт., с. 20—21. Письмо священника в редакцию с пожертвованиями герцеговинцам.— ЦВ, 1875, № 41, окт., с. 21. Из герцеговинской летописи.— ЦВ, 1875, № 39, окт., с. 18—19. Летопись всероссийских пожертвований.— ЦВ, 1876, № 33, авг., с. 15—18; № 41, окт., с. 11—13; № 42, окт., с. 12—14. Письмо и пожертвования митрополиту Сербскому от одного русского настоятеля.— ЦВ, 1876, № 33, авг., с. 19.
- ⁵⁹ *Стефан Чениговский*, священник. Письмо.— ЦВ, 1875, № 41, окт., с. 21. Ср.: Распоряжения епархиальных начальств о пожертвованиях на славян.— ЦВ, 1876, № 40, окт., с. 8. Дух восточного православия, западной цивилизации и папизма, проявившийся при борьбе славян с турками.— ЦВ, 1876, № 42, окт., с. 2.
- ⁶⁰ См. о пожертвованиях в пользу герцеговинских и боснийских семейств.— ЦВ, 1875, № 39, с. 19, 23; № 40, с. 24; № 41, с. 24; № 42, с. 22, 24; № 43, с. 15; № 44, с. 16, 23; № 45, с. 24; № 46, с. 16; № 48, с. 15; № 49, с. 19; № 50, с. 15. 1876, № 1, с. 21; № 2, с. 20; № 3, с. 11, 14; № 4, с. 20; № 5, с. 15; № 6, с. 24; № 7, с. 15; № 8, с. 16; № 10, с. 18; № 13, с. 15; № 15, с. 14; № 18, с. 13; № 21, с. 16; № 24, с. 15; № 27, с. 11.
- ⁶¹ См.: ЦВ, 1876, № 29, июль, с. 1.
- ⁶² См.: Летопись. Из герцеговинской летописи.— ЦВ, 1875, № 45, ноябрь, с. 20.

- ⁶³ Летопись. Из герцеговинской летописи.— ЦВ, 1875, № 39, окт., с. 18.
- с. 11.
- ⁶⁴ Летопись. От славянского благотворительного комитета.— ЦВ, 1876, № 30, июль,
- с. 11.
- ⁶⁵ Благодарность сербского народа русскому.— ЦВ, 1876, № 35, сент., с. 15.
- ⁶⁶ Письмо князя Черногорского.— ЦВ, 1876, № 42, окт., с. 11.
- ⁶⁷ Черногорцы в войне с турками.— ЦВ, 1876, № 46, ноябрь, с. 18.
- ⁶⁸ Характерно заявление одного отставного полковника: «В 1828 и 1854 гг. я сражался за своих братьев с турками и был два раза ранен под Варной и Силистрией, почему и оставил службу; теперь же, при старческих летах, готов идти на безбожного врага, и если восстание еще продлится, то продам последнее, чтобы уехать в Герцеговину драться с турками». Летопись. Из герцеговинской летописи.— ЦВ, 1875, № 39, окт., с. 19.
- ⁶⁹ Летопись всероссийских пожертвований.— ЦВ, 1876, № 32, авг., с. 11.
- ⁷⁰ Протоиерей и жена его — добровольцы.— ЦВ, 1876, № 36, сент., с. 11.
- ⁷¹ Из Выборга (отправка добровольцев и напутственная речь пастыря).— ЦВ, 1876, № 36, сент., с. 5. См. также: Молебствие в Измайловском Троицком соборе и проводы отъезжающих в Сербию русских.— ЦВ, 1876, № 30, июль, с. 11—12.
- ⁷² Прибытие русских добровольцев в Сербию.— ЦВ, 1876, № 41, окт., с. 14.
- ⁷³ См.: ЦВ, 1876, № 14, апр., с. 78 и № 41, окт., с. 187.
- ⁷⁴ См.: ЦВ, 1876, № 48, дек., с. 211—212.
- ⁷⁵ См.: ЦВ, 1877, № 13, апр., с. 96.
- ⁷⁶ Летопись. Из герцеговинской летописи.— ЦВ, 1876, № 1, янв., с. 17.
- ⁷⁷ Отправка 2-го врачебного отряда в Сербию и речь священника.— ЦВ, 1876, № 31, авг., с. 12. «В половине сентября 1876 г. число русских, приехавших в Сербию, дошло до четырех с половиной тысяч, из них 650 офицеров... Число врачебного персонала и сестер милосердия превысило 300 человек». (Н. Н. Яковлев. Русское добровольческое движение на Балканы в 1876 г. Ученые записки.— Куйбышевский государственный педагогический институт, вып. 15. Куйбышев, 1955, с. 196).
- ⁷⁸ См.: ЦВ, 1876, № 27, июль, с. 10.
- ⁷⁹ См. Летопись. Из герцеговинской летописи.— ЦВ, 1875, № 39, окт., с. 19.
- Летопись всероссийских пожертвований.— ЦВ, 1876, № 35, сент., с. 17.
- ⁸⁰ См.: Панихида по Н. А. Кирееву.— ЦВ, 1876, № 28, июль, с. 10. Летопись всероссийских пожертвований.— ЦВ, 1876, № 33, авг., с. 16.
- ⁸¹ Воззвание к духовенству и пастве Кишиневской епархии.— ЦВ, 1876, № 33, авг., с. 6.
- ⁸² Заседание Славянского комитета 14 июля в Москве, цит. изд., с. 3.
- ⁸³ В. Теплов. Греко-болгарский церковный вопрос по неизданным источникам. Историческое исследование. СПб., 1889, с. 160.
- ⁸⁴ См.: Н. С. Державина. Сборник статей и исследований в области славянской филологии. М.—Л., 1941, с. 97. Высоко оценивая деятельность преподобного Паисия, генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Болгарии Вълко Червенков писал: «Во мраке политического и духовного рабства нашего народа... он бросил первую искру национального самосознания. От этой искры впоследствии разгорелась пламя национально-освободительной борьбы болгар». (Вълко Червенков. Понемчените юроди нас и Паисий. «Говори радиостанция Христо Ботев». Т. I. София, 1950, с. 133). Выдающийся болгарский писатель-поэт Иван Вазов (1850—1921) посвятил раскрытию образа преподобного Паисия специальную поэму «Паисий», в которой показал преподобного как будителя и большого патриота, отдавшего всю свою жизнь великой идее пробуждения национального сознания. Обобщая его деятельность, поэт пишет:
- И фърляше тайно през мрака тогас
Най-първата искра в народната сваят.
(И тайно сквозь мрак он бросил тогда
Самую первую искру в народное сознание).
(И. Вазов. Събр. съч. Т. I,
София, 1942, с. 286).
- ⁸⁵ История Болгарии. Издательство Академии наук СССР. М., 1954, с. 244.
- Примечание.* Священный Синод Болгарской Православной Церкви на своем торжественном заседании 26 июня и 31 декабря 1964 г. канонизовал преп. Паисия и святого Софрония, а определением Священного Синода Русской Православной Церкви от 22 февраля 1965 г. имена их внесены и в месяцеслов нашей Церкви.

⁸⁶ Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962, с. 530.

⁸⁷ И. П. Липранди. Болгария. Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1837, кн. I, с. 59.

⁸⁸ *Нестор (Крыстев)*, архимандрит. Велчова завера. Загорск, Троице-Сергиева Лавра, 1964, с. 120.

⁸⁹ Только в Берковском крае в 1836 г. поднялось на борьбу около 4 тысяч крестьян. К середине XIX века крестьянское движение в Болгарии достигало уже значительных размеров. Рост этого движения заставил султана удовлетворить некоторые требования крестьян — провести земельную реформу в районах борьбы. «Турецкое правительство боялось, что стихийное сопротивление перерастет в организованную всенародную борьбу и господству турок на Балканах придет конец». (*Л. Воробьев*. Предисловие к книге Захария Стоянова «Записки о болгарских восстаниях», М., 1963, с. 4). Опасения турок вскоре оправдались. В начале 60-х годов выдающийся болгарский революционер Георгий Раковский (1821—1867) выступил организатором вооруженной борьбы народа.

⁹⁰ О борьбе болгар за церковную независимость и отношении к этой борьбе Русской Православной Церкви см. в моей докторской диссертации: Поместные Православные Церкви (Грузинская, Сербская, Румынская, Болгарская, Кипрская, Элладская, Албанская, Польская, Чехословацкая и Православная Церковь в Америке). Т. II. Академия, 1977, с. 116—133; 135—137; 182—189; 200 (машинопись).

⁹¹ *Захарий Стоянов*. Записки о болгарских восстаниях. Перевод с болгарского. М., 1963, с. 173.

Примечание. Важную роль в объединении болгар играли на протяжении многовековой истории Болгарии православные монастыри, являвшиеся хранилищем народных традиций, священных книг, старинных рукописей, свидетельствовавших о славном прошлом. В монастырских кельях велись оживленные беседы об истории и достоинстве болгарского народа. Через монастыри сознание национальных чувств поддерживалось и в народе. «Многократно, — писал проф. д-р И. Д. Шишмаков, — отмечали участие монастырей в нашем возрождении и давали этому справедливую оценку. В монастырях, центрах христианского подвизничества, благочестия и просвещения, хранилось много исторических традиций благодаря наличию в монастырских библиотеках книжных памятников, документов (хрисовулы), житий святых (св. Наума Охридского, св. Климента, св. Ивана Рыльского и пр.). В монастырях, как на больших ярмарках, встречались люди со всех концов Болгарии, здесь они учились чувствовать себя единым народом, отличным от других». (Проф. д-р *Ив. Шишмаков*. Увод в историята на българското възраждане. България 1900 години. София, 1930, с. 289).

О патриотической роли всей Болгарской Православной Церкви хорошо сказал профессор данной Церкви, член Исполнительного и Центрального Комитета Всемирного Совета Церквей Тодор Съев. «С IX в. и до наших дней, — говорил он, — Церковь играла огромную роль в жизни нашего народа и нашей страны. Именно Церковь основала, развила и руководила центрами школьного обучения, литературой и культурой; объединяла народ и защищала его от внутренних и внешних врагов; сохраняла национальный дух, культурные и духовные ценности во время тяжкого турецкого ига, длившегося 5 столетий; принимала активное участие в национальном обновлении, в борьбе за религиозную и политическую независимость. Эти заслуги нашей Церкви признаны всеми. Она неразлучна с народом и с родиной» («СЭПИ» № 17 от 15 мая 1969 г.).

⁹² См. также: С. А. Никитин, Революционная борьба в Болгарии в 1875—1876 гг. и Апрельское восстание. «Освобождение Болгарии от турецкого ига. Сборник статей». Изд-во Академии наук СССР. М., 1953, с. 11—46. *Жак Натан*. Болгарское возрождение. Перевод с болгарского. М., 1949 и др.

⁹³ С. А. Никитин. Революционная борьба в Болгарии и Апрельское восстание. Указ. соч., с. 24.

⁹⁴ *Захарий Стоянов*. Указ. соч., с. 692.

⁹⁵ *Жак Натан*. Указ. соч., с. 290.

⁹⁶ *Захарий Стоянов*. Указ. соч., с. 379.

⁹⁷ Воззвание Болгарского центрального благотворительного общества в Бухаресте к русскому народу.— ЦВ, 1876, № 32, авг., с. 9—10.

⁹⁸ Отдел рукописей ГБЛ. Фонд № 239 Нила Александровича Попова. 19/23.

⁹⁹ Воззвание о помощи христианам в Болгарии.— Православное Обозрение. 1876, т. II, с. 400. См. также обращение болгарских женщин Северной Болгарии к русским женщинам в статье В. Д. Конобеева. Материалы об освободительном движении в

Болгарии. Освобождение Болгарии от турецкого ига. Сборник статей. Указ. соч., с. 320.

¹⁰⁰ Патриарх Кирилл. Экзарх Анфим (1816—1888). София, 1956, с. 702.

¹⁰¹ В. Теплов. Указ. соч., с. 165.

¹⁰² В Отделе рукописей Государственной библиотеки им. Ленина имеется от 17 мая 1876 г. письмо, присланное из Царьграда в Москву болгаринном Каракановским, врачом при русском посольстве в Константинополе. В письме, в частности, говорится: «Вчера привезли Филиппопольского (Пловдивского. — К. С.) болгарского митрополита Панарета и будут судить его за то, что он осмелился сказать Филиппопольскому губернатору, чтобы он обезоружил башибузуков». (Ф. 239 Н. П. 10/15).

¹⁰³ А. П.-в. Молитвы русского народного движения за свободу славянства.—ЦВ, 1877, № 2, янв., с. 3.

¹⁰⁴ Е. Б. Источник общественного возбуждения.—ЦВ, 1876, № 37, сент., с. 7. См. также: ЦВ, 1877, № 2, янв., с. 3—4.

¹⁰⁵ На Западе нашлись и такие, которые пытались всю ответственность за беды в Болгарии возложить на Россию. По их мнению, восстание в Болгарии поднято Россией, и потому она и является виновницей всех избиений. Все же «заявляемые ею человеколюбивые и христианские цели больше ничего как обман и ловушка с ее стороны». Но на том же Западе дано и трезвое разъяснение. «Мы, — говорится в одной английской церковной газете, — не знаем в истории примеров подобных восстаний без основательных причин к жалобам. Когда в 1848 г. сказали Ганноверскому королю, что восстание посреди сго народа было возбуждено злонамеренными людьми, он очень разумно заметил, что целый народ не восстает таким образом, если нет у него причин жаловаться на правительство». (Отзыв английского церковного журнала В восточном вопросе.— Православное обозрение, 1878, т. I, с. 140.)

¹⁰⁶ Речь полковника Е. В. Богдановича.—ЦВ, 1876, № 36, сент., с. 12.

¹⁰⁷ Православное обозрение, 1876, т. II, с. 399.

¹⁰⁸ «В Панагюриште, — читаем в «Церковном Вестнике», — убито около 3000 человек, сожжено 500 домов и обезчещены почти все женщины, начиная от восьмилетних девочек... Маленьких детей носили на штыках. Один старик был подвергнут в церкви невообразимым пыткам и потом сожжен живым на самом престоле. Но особенно Батак представляет собой такой вид, что решительно невозможно дать о нем понятия: это груда развалин, наполненная трупами; число их превышает 3000; одни растерзаны собаками, от других остались только скелеты или обожженные кости. В церковь нельзя войти, так как она наполнена гниющими телами. В болоте, канавах, под обвалившимися стенами, под колесами мельниц — всюду попадаются кучи человеческого мяса, отдельных членов, прядей волос... Смерд убийственный. Избиение в Батаке было не что иное, как ужасная бойня, где умерщвляли людей. В одном месте валяется 130 черепов обезглавленных детей. Подле одного из трупов сидела мать и в жалобной песне оплакивала свое горе; она убрала цветами маленький обнаженный череп и вложила цветы в впадины глаз... По страшно изученным трупам можно положительно сказать, что люди гибли под ударами ятагана. По данным, добытым американским следствием, число погибших в Батаке превышает 5000 человек. Много тел погребено, другие унесены водой. В школе было сожжено живыми 300 человек, в других домах той же участи подверглось от 20 до 30 человек» (Зверства турок.— ЦВ, 1876, № 34, авг., с. 16). «Более 100 болгарских селений разрушены турками до основания... По крайней мере 25 000 человек безоружных... жителей хладнокровно перерезали. По словам константинопольских турецких журналов, цифра погибших достигает по крайней мере 40 000. Более 1000 болгарских детей похищены и проданы в рабство. Их продавали открыто на улицах Адрианополя и Филиппополя... Оскорбления, нанесенные женщинам, по своей возмутительности, своему зверству превосходят все, что можно себе вообразить... По крайней мере 10 000 болгар находятся в настоящее время в тюрьме и претерпевают муки, такие жестокие большей частью, что в Европе ни о чем подобном и понятия не имеют с самых средних веков... В придунайской Болгарии теперь то и дело, что турецкие власти ловят учителей, священников, взрослых учеников и молодежь болгарскую и держат их в тюрьмах, погребках и банях, более выдающихся умерщвляют в этих тюрьмах; многие умирают от голода и спертого воздуха. Учителей же, священников и мало-мальски книжных болгар вешают публично». (Страдания Болгарии.— ЦВ, 1876, № 28, июль, с. 10—11. См. также: № 30, с. 12; № 31, с. 12; № 32, с. 13—14; № 41, с. 3—4; № 42, с. 12; № 43, с. 9—10; № 45, с. 15 и др.). Примечательны также свидетельства хранимых Отделом рукописей Государственной библиотеки СССР

им. Ленина писем из Константинополя в Москву Церетелева Алексея Николаевича — секретаря русского посольства в Константинополе и уже упоминавшегося выше Каранановского. Первый из них 27 мая 1876 г. сообщал: «Все, что делалось... в Герцеговине и Боснии, бледнеет перед зверствами в Южной Болгарии. Положение болгар, беззащитных, ужасно. То, что делается — невероятно. Цель моего письма обратить внимание нашей благотворительности на болгар». (Ф. 239. Н.П. 21/13). Второй несколько раньше — 17 мая 1876 г., — изобразив неистовства турок, писал: «Турки открыто говорят болгарам: мы всех вас перебьем, потом отдадим вас вшей защитнице и покровительнице России, чтобы она похоронила ваши трупы торжественно с своими деспотами (владыками). Болгары готовы защищаться, но нет у них никакого оружия... Вот в каком печальном и безвыходном положении находится болгарский народ. Если никто не возьмется остановить резню, приготовленную по всей вероятности министрами Порты, в скором времени вся Болгария будет разорена и опустошена. Вся надежда на Россию... Пригласите всех добрых русских помочь кто чем может своим единоверным и единокровным; и пусть будут уверены, что своим приношением спасут тысячи женщин и детей от голодной смерти» (Ф. 239. Н.П. 105). См. еще письмо от 15 мая 1876 г. Ф. Стоянова-Бурмова Нилу Александровичу Попову. (Ф. 239. Н.П. 19/23).

¹⁰⁹ ЦВ, 1876, № 29, июль, с. 1—2.

¹¹⁰ Напр., архиепископ Донской и Новочеркасский Платон, епископы: Екатеринославский и Таганрогский Феодосий, Саратовский Тихон, Орловский и Севский Макарий, Харьковский Савва, Кишиневский Павел; священники: села Медуши (бывш. Петергофский уезд) — Матфей Зрелов, г. Витебска — Петр Ляшкевич, г. Белозерска — Михаил Беляев; церковные учреждения: Брест-Литовское православное братство, Астраханская духовная консистория и многие другие. См. об этом в разных номерах журналов «Церковный Вестник» и «Православное Обозрение» за 1876 г.

¹¹¹ Воззвание архиепископа Платона.— Православное Обозрение, 1876, т. II, с. 804—805. См. его же обращения: ЦВ, 1876, № 30, с. 3—4; № 33, с. 4; № 35, с. 9—10. Епископ Екатеринославский и Таганрогский Феодосий, обращаясь к своей многочисленной пастве, стекшейся на молебствие о даровании победы южным славянам, призывал: «Наше дело, по чувству христианского человеколюбия и сострадания принять искреннее, сердечное участие в положении южных славян, наших братьев по вере и по крови, и в пределах возможности подать им руку помощи... На голос страждущих и бедствующих на юге Европы братий наших, православных славян, отзовемся, возлюбленные, сочувственно, ответим полной сердечной готовностью, поможем им в настоящем их горе, все — кто чем может, материально и морально, вещественно и духовно, деньгами и молитвой ко всеблагому Господу Богу». (Слово преосвященного Феодосия, еп. Екатеринославского и Таганрогского.— Православное Обозрение, 1876, сент., с. 213). «Ужели мы останемся безучастными слушателями тех воплей христианских страдальцев, какие долетают до нас? — писал один из благочинных к пастырям своего округа. — К вам обращаюсь, мои добрые собраты — пастыри церкви нашего округа: сольемся в один голос воззвания к самим себе и к своим прихожанам на святое дело помощи ближнему». (Благочинный свящ. Александр Успенский. Пастырям церкви — священникам 2-го благочиннического округа Ефремовского уезда. — ЦВ, 1876, № 32, авг., с. 14). Один из сельских священников Матфей Зрелов, приглашая присутствующих в храме к пожертвованиям, сказал: «Благочестивые христиане, почтенные прихожане! Вероятно и до вас дошли слухи о тех страданиях, которые испытывают наши братья по вере и языку славяне... Наш долг, наше внимание, наша священная обязанность — помочь, чем можем, несчастным семействам наших братьев — славян... По чувству христианского сострадания принесем и мы, братья, здесь же посильную помощь нашим единоверным и единоплеменным сестрам и братьям... и теперь же помолимся небесному Владыке о даровании победы славянскому оружию в борьбе с турками за свободу и веру православную». (Воззвание о пожертвованиях южным славянам.— ЦВ, 1876, № 31, авг., с. 3). С таким же глубоко прочувствованным, проникнутым неподдельной любовью воззванием обратилось и Брест-Литовское православное братство к своим «братчикам». «Славяне сильны сознанием своего долга, — говорилось в воззвании. — Будем собирать, что нужно, воинам. Хотя невелико будет собранное нами, но все-таки наша искренняя жертва хотя одному несчастному да облегчит участь». (ЦВ, 1876, № 31, авг., с. 3. Ср. Воззвание Преосвященного Тихона, еп. Саратовского, от 21 июля 1876 г. к настоятелям и помощникам настоятелей приходов, монастырей и женских общин Саратовской епархии о сборе пожертвований в пользу бедствующих славян.—ЦВ, 1876, № 33, авг., с. 6).

¹¹² Призыв Орловского архипастыря к пожертвованиям в пользу болгар.— Православное Обозрение, 1876, т. II, с. 596—598.

¹¹³ Воззвание к московскому купечеству.— ЦВ, 1876, № 29, июль, с. 8.

¹¹⁴ Напр., в газетах: «Голос», «Русский мир», «Новое время», «Московские ведомости», «Русские ведомости»; в журналах: «Отечественные записки», «Гражданин» и др.

¹¹⁵ Воззвание за славян к русскому обществу.— ЦВ, 1876, № 30, июль, с. 4. См. также: К русскому обществу за славян.— Православное Обозрение, 1876, сент., с. 209—210.

¹¹⁶ Позднейшие отделения Комитета: С.-Петербургское Славянское благотворительное общество, учрежденное в 1877 г. вместо Петербургского отдела славянского благотворительного комитета; Московское попечительство над учащимися славянами, возникшее в 1889 г. вместо прекратившего свое существование Московского благотворительного общества.

¹¹⁷ См. первое воззвание Московского славянского комитета в «Московских ведомостях» от 5 мая 1876 г.; второе воззвание, написанное в июне 1876 г. председателем Комитета И. С. Аксаковым, в «Полном собрании сочинений И. С. Аксакова». Т. I, М., 1886, с. 215—217; «От Петербургского отдела славянского благотворительного комитета» в «Церковном Вестнике» за 1876 г., № 27, июль, с. 10—11; «Воззвание С.-Петербургского отдела славянского благотворительного комитета» в «Церковном Вестнике» за 1876 г., № 29, с. 7—8. Воззвания эти раздавались в храмах.

¹¹⁸ Свящ. М. Воздвиженский. Указ. соч., с. 417—418. «Нашему Славянскому комитету. — говорил И. С. Аксаков на заседании Комитета 14 июля 1876 г.— выпала на долю высокая историческая служба быть преимущественно не столько руководителем, сколько, повторяю, практическим орудием русского общественного мнения и чувства при настоящих великих событиях». См.: Заседание Славянского комитета 14 июля.— Православное Обозрение, 1876, т. II, с. 799. См. также: И. Козьменко. Русское общество и Апрельское болгарское восстание 1876 г.— Вопросы истории. 1947. № 5. с. 103.

¹¹⁹ И. С. Аксаков. Полн. собр. соч. Т. I. Указ. соч., с. 221.

¹²⁰ Заседание Славянского комитета 14 июля.— Православное Обозрение, 1876, т. II, с. 802.

¹²¹ И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем в 28 томах. Т. XI. Письма. М.—Л., 1966, с. 349. См. также его же стихотворение — памфлет «Крокет в Виндзоре». Т. XIII, цит. изд., с. 292—293. «Накануне». Т. III, М., 1954, с. 5—167.

¹²² Торжество славянской идеи и русское духовенство.— ЦВ, 1876, № 30, июль, с. 2.

¹²³ Летопись всероссийских пожертвований.— ЦВ, 1876, № 42, окт., с. 12.

¹²⁴ Центральный государственный исторический архив. Ленинградское отделение. Фонд Васильчиковых. Ед. хр. 823, л. 2.— Князь А. И. Васильчиков (1818—1881) был председателем Петербургского комитета.

¹²⁵ От Московского славянского благотворительного комитета.— Православное Обозрение, 1876, т. II, с. 192. См. также: И. С. Аксаков. Полное собрание сочинений. (Речь вице-президента Московского славянского благотворительного комитета в заседании 24 октября 1876 г.). Т. I, цит. изд., с. 228.

¹²⁶ Заседание Славянского комитета 14 июля. Указ. соч., с. 799.

¹²⁷ И. С. Аксаков. Полное собрание сочинений. Т. I, Указ. соч., с. 221.

¹²⁸ В письме к Ф. В. Чижову Аксаков сообщал, что только за два дня после опубликования Московским славянским комитетом воззвания к нему поступило 2 тыс. рублей (см. в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. Ленина фонд Чижова. Переписка, папка 37). В речи от 24 октября 1876 г. он же отметил, что до этого времени Комитет истратил на Болгарию 38.058 руб. 68 коп. (см.: И. С. Аксаков. Полн. собр. соч. Т. I. Указ. соч., с. 230).

¹²⁹ Летопись всероссийских пожертвований.— ЦВ, 1876, № 38, сент., с. 16. См. также статьи: Можно ли нам не любить братьев славян? (ЦВ, 1876, № 34, с. 1—2); Единодушие России (ЦВ, 1876, № 36, с. 1—3) и др.

¹³⁰ Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. Ленина, Ф. 239, Н.П. 19/23.

¹³¹ И. С. Аксаков. Полн. собр. соч. Т. I. Указ. соч., с. 217—218.

¹³² См. сборник, изданный Болгарской Православной Церковью к 100-летию со дня Апрельского восстания, «Апрельского встание и Българската Православна Църква». 1977, Синодално издателство, София. 584 с.

¹³³ Воззвание к болгарскому народу.— ЦВ, 1877, № 18, май, с. 15.

- ¹³⁴ И. С. Аксаков. Полн. собр. соч. Т. I. Славянский вопрос. М., 1886, с. 300.
- ¹³⁵ И. С. Аксаков. Речь, произнесенная председателем Московского славянского благотворительного комитета, в заседании 17 апреля 1877 года. Полн. собр. соч. Т. I. Указ. соч., с. 252.
- ¹³⁶ И. С. Аксаков. Полн. собр. соч. Т. I. Указ. соч., с. 273.
- ¹³⁷ Там же, с. 268.
- ¹³⁸ Три письма Преосвященного *Феофана* по Восточному вопросу. — Православное Обозрение, 1877, т. I, с. 603, 604.
- ¹³⁹ Из речи И. Аксакова, произнесенной 17 апреля 1877 г., в заседании Московского славянского благотворительного комитета. И. С. Аксаков. Полн. собр. соч. Т. I. Указ. соч., с. 251.
- ¹⁴⁰ Одушевление народа. — ЦВ, 1877, № 15, апр., с. 13.
- ¹⁴¹ Речь, сказанная в Исаакиевском соборе. — ЦВ, 1877, № 15, с. 1—3.
- ¹⁴² Обнародование манифеста в Кишиневе. — ЦВ, 1877, № 16, апр., с. 3. Ср.: ЦВ, 1877, № 15, апр., с. 12; Православное Обозрение, 1877, т. I, с. 853—857. О чтении манифеста в других местах см.: ЦВ, 1877, № 18, май, с. 12—13, 14; № 20, май, с. 4—5.
- ¹⁴³ Начало летописи освобождения христиан Востока. — ЦВ, 1877, № 16, апр., с. 12.
- ¹⁴⁴ «Церковный Вестник» (1877, № 2, янв., с. 3) сообщает, что «когда одна из наиболее сочувственных славянству русских газет осмелилась заявить, что она находит возможным соединить святое служение страждущим братьям с корыстными видами якобы национальной политики, то против нее поднялась целая буря в газетном мире и она вынуждена была отказаться от своего заявления».
- ¹⁴⁵ Три письма Преосвященного *Феофана*. Указ. соч., с. 607.
- ¹⁴⁶ Архиепископ Вольнский и Житомирский *Димитрий*. Речь. — Православное Обозрение, 1877, т. I, с. 347.
- ¹⁴⁷ Речь Московского митрополита в Троицкой Лавре. — ЦВ, 1877, № 18, май, с. 12.
- ¹⁴⁸ Русский писатель и историк *Карамзин Н. М.* (1766—1826) утверждает, что этот св. образ был «во всех походах с государем Петром Великим и еще с царем Алексеем Михайловичем: вот славное знамя России!» (Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре. См. в сборнике: Записки старого московского жителя. Избранная проза. М., Моск. рабочий, 1986, с. 295).
- ¹⁴⁹ *Павел*, епископ Кишиневский и Хотинский. Речь Его Императорскому Высочеству. — ЦВ, 1876, № 49, дек., с. 10.
- ¹⁵⁰ См. в «Церковном Вестнике» под рубрикой: Летопись освобождения восточных христиан. 1877, № 15, с. 12—13; № 17, с. 12; № 18, с. 16—17; № 19, с. 11—12; № 20, с. 18—20; № 21, с. 13—14; № 22, с. 10—11; № 23, с. 9; № 24, с. 14—15; № 25, с. 16—18; № 26, с. 8—9; № 27, с. 13—14; № 28, с. 14—15; № 29, с. 14; № 30, с. 20; № 31, с. 13—14; № 32, с. 13—14; № 33, с. 17—19; № 34, с. 14—15; № 35, с. 12—13; № 36, с. 20; № 37, с. 12—13; № 38, с. 28—29; № 39, с. 11—12; № 40, с. 20—21; № 41, с. 18—19; № 42, с. 19—21; № 43, с. 17—18; № 44, с. 19—20; № 45, с. 16—18; № 46, с. 11—12; № 47, с. 16—18; № 48, с. 15—16; № 49, с. 20; № 50, с. 12—13; № 51, с. 21—22. 1878, № 1, с. 14—18; № 2, с. 20—22; № 3, с. 13—15; № 4, с. 12—13; № 5, с. 12—13 и т. д.
- ¹⁵¹ Призыв ратников на службу и настоящее положение дел. — ЦВ, 1877, № 30, июль, с. 1.
- ¹⁵² Цель войны. — ЦВ, 1877, № 41, окт., с. 13.
- ¹⁵³ Утешения и ободрения веры. — ЦВ, 1877, № 35, сент., с. 2.
- ¹⁵⁴ Действие наших побед на Англию. — ЦВ, 1877, № 42, окт., с. 14.
- ¹⁵⁵ См.: Шипкинские стратотерпцы. — ЦВ, 1877, № 33, авг., с. 19—20.
- ¹⁵⁶ См.: Нравственные силы русского воина. — ЦВ, 1877, № 44, ноябрь, с. 11.
- ¹⁵⁷ Стойкость русских солдат (из газеты «Морнинг Пост»). — ЦВ, 1877, № 28, июль, с. 14.
- ¹⁵⁸ См.: Замечательный образец непоколебимого мужества русских генералов. — ЦВ, 1877, № 50, дек., с. 10.
- ¹⁵⁹ См.: Иностранец о самоотвержении наших воинов — освободителей восточных христиан во время семидневной борьбы на Шипке. — ЦВ, 1877, № 34, авг., с. 8.
- ¹⁶⁰ Религиозность русского воина. — ЦВ, 1877, № 37, сент., с. 10.
- ¹⁶¹ Русских же пленных по приказанию Осман-паши зарывали под Плевной живыми в землю. Это злодеяние было обнаружено после взятия Плевны при раскопках для извлечения скрытых в земле орудий. Найдено около 150 трупов. См.: Варварство Османа-паши. — ЦВ, 1878, № 4, янв., с. 8. Ср.: ЦВ, 1877, № 51, дек., с. 14—15.

- ¹⁶² Религиозность и крепкая вера — основание боевых доблестей нашего солдата.— ЦВ, 1877, № 48, дек., с. 4—5.
- ¹⁶³ Великодушные русского солдата.— ЦВ, 1877, № 31, авг., с. 11. Ср.: Русский солдат после боя.— ЦВ, 1878, № 2, янв., с. 14.
- ¹⁶⁴ Отзыв иностранной — английской — газеты о добрых качествах русской армии.— ЦВ, 1877, № 47, ноябрь, с. 9. Ср.: Доброе слово в Англии о России и русских воинах.— ЦВ, 1877, № 43, окт., с. 15.
- ¹⁶⁵ Письмо грека в защиту русских.— ЦВ, 1877, № 20, июль, с. 18.
- ¹⁶⁶ Нравственный характер русского солдата.— ЦВ, 1877, № 44, ноябрь, с. 12.
- ¹⁶⁷ Прот. П. Заринский. Речь...— ЦВ, 1878, № 9, март, с. 9.
- ¹⁶⁸ Архиепископ Волынский и Житомирский *Димитрий*. Речь.— Православное Обозрение, 1877, т. I, с. 350.
- ¹⁶⁹ Торжество по случаю взятия Плевны.— ЦВ, 1878, № 48, дек., с. 2.
- ¹⁷⁰ См.: Госпитали при московских монастырях.— ЦВ, 1877, № 44, ноябрь, с. 15.
- ¹⁷¹ См.: Встреча раненых в монастыре.— ЦВ, 1877, № 32, авг., с. 12—13. Прием раненых в больнице Николо-Угрешского монастыря. Прибытие раненых в Сергиев Посад.— Православное Обозрение, 1877, т. III, с. 163—166. Ср.: Заслуги Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.— ЦВ, 1878, № 10, март, с. 17.
- ¹⁷² См.: ЦВ, 1877, № 39, окт., с. 181.
- ¹⁷³ См.: ЦВ, 1877, № 19, май, с. 13.
- ¹⁷⁴ См.: ЦВ, 1877, № 50, дек., с. 212.
- ¹⁷⁵ См.: Там же, с. 213.
- ¹⁷⁶ См.: Там же, с. 212.
- ¹⁷⁷ Три письма Пресвященного *Феофана* по восточному вопросу. Указ. соч., с. 605.
- ¹⁷⁸ Слова генерала *Гурко* гвардейцам.— ЦВ, № 44, ноябрь, с. 13.
- ¹⁷⁹ См.: ЦВ, 1877, № 10, с. 9—11; № 11, с. 13; № 14, с. 7—9; № 15, с. 15; № 24, с. 12; № 31, с. 10—11; № 36, с. 20; № 45, с. 13—14; № 51, с. 14. 1878, № 4, с. 8—9; № 6, с. 12, 17 и др.
- ¹⁸⁰ См.: Бедствия Черногории... Воззвание митрополита Черногорского *Илариона*.— Православное Обозрение, 1877, т. III, с. 588—591.
- ¹⁸¹ См. сообщения о жертвах под рубрикой: «Всенародное одушевление и пожертвования».— ЦВ, 1877, № 16, с. 11—12; № 18, с. 10—12; № 19, с. 8—10; № 21, с. 9—10; № 22, с. 11—12; № 23, с. 7—8; № 24, с. 12—13; № 25, с. 15—16; № 26, с. 7—8; № 27, с. 13; № 29, с. 11—12; № 30, с. 17 и др.
- ¹⁸² *И. С. Аксаков*. Полн. собр. соч. Том. I. Славянский вопрос. М., 1886, с. 268.
- ¹⁸³ *Е. Трубецкой*. Воспоминания. София, 1921, с. 27.,
- ¹⁸⁴ Восточный вопрос в его настоящем состоянии.— ЦВ, 1878, № 12, март, с. 1.
- ¹⁸⁵ О событиях, следовавших после заключения прелиминарного Сан-Стефанского мира, см.: Церковный Вестник под рубрикой: «Последние известия по восточному вопросу». 1878, № 13, с. 13—15; № 15, с. 15—16; № 16, с. 8—9; № 17, с. 11—12; № 18, с. 13—14; № 19, с. 10—11; № 20, с. 7—8; № 21, с. 9—10; № 22, с. 11—13; № 23, с. 7—8; № 24, с. 9—10; № 25, с. 8—9; № 26, с. 7—8; № 27, с. 18—20; № 28, с. 7—8; № 29, с. 4—5; № 30, с. 9—10; № 31, с. 7—8; № 32, с. 5—6; № 33, с. 8—9; № 34, с. 8—9; № 35, с. 12—13; № 36, с. 11—12; № 37, с. 13—14; № 38, с. 8—9; № 39, с. 14—15; № 40, с. 12—13; № 41, с. 15—16; № 42, с. 7—8; № 43, с. 13. См. также: Дело далеко еще не кончено.— ЦВ, 1878, № 4, янв., с. 1—2. Политическое усложнение.— ЦВ, 1878, № 5, фев., с. 1. Заключение мира.— ЦВ, 1878, № 8, фев., с. 3—4.
- ¹⁸⁷ Деяния Совещания глав и представителей автокефальных Православных Церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви. Т. I. М., 1949, с. 32.
- ¹⁸⁸ *Амвросий*, епископ Можайский. Слово...— Православное Обозрение, 1878, т. 1—2, с. 448.
- ¹⁸⁹ *А. П.-в.* Мотивы русского народного движения за свободу славянства.— ЦВ, 1877, № 2, с. 3. «Читайте наши летописи,— продолжает здесь же «Церковный Вестник», — с какой глубокой грустью, с каким тяжелым горем и следами они ведут свою скорбную речь, когда им приходится повествовать о тяжелой године вражеских нашествий или о своих домашних неурядицах, когда церкви Божии были сожжены, когда святыни осквернены неверными... Тут ошутительно чувствуется, как будто стон идет по всей русской земле...» См. также: Переход русских через Балканы и новые победы... — ЦВ, 1877, № 27, с. 1—2. Религиозная сторона восточного вопроса. — ЦВ, 1876, № 44, ноябрь, с. 1—4.
- ¹⁹⁰ Религиозная сторона восточного вопроса.— ЦВ, 1876, № 44, ноябрь, с. 2. Ср.:

Речь в день Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня — о пожертвованиях — свящ. *Г. Диаконова*.— ЦВ, 1876, № 43, окт., с. 10—11. Англичанин о русском сочувствии сербам...— ЦВ, 1876, № 45, ноябрь, с. 17.

¹⁹¹ *Архиепископ Дмитровский* (ныне митрополит) *Владимир*. Как относилась к болгарскому вопросу церковная общественность России во время Освободительной войны (1877—1878). Църквата и съпротивата на българския народ срещу османского иго. Юбилеен сборник по случай 100 години от освобождението. София, Синодално изд-во, 1981, с. 72. См. дополнительный материал к данному разделу: архим. *Кирилл* (Христов). Участие Русской Православной Церкви в церковно-патриотическом деле болгарского народа в XIX веке. Курсовое сочинение на соискание ученой степени кандидата богословия. Загорск, 1984. V + 340 с. машинописи.

¹⁹² Правда о религии в России. Московская Патриархия, 1942, с. 267.

¹⁹³ *Сергий*, митрополит Московский и Коломенский, Патриарший Местоблюститель. Пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви 22 июня 1941 г.— Правда о религии в России. Указ. соч., с. 16, 17.

¹⁹⁴ Напр., только в Москве в первый год войны было собрано более трех миллионов рублей, в Ленинграде — 5,5 млн., в Горьком за два первых года войны — более 4 млн.

¹⁹⁵ Всем христианам в Югославии, Чехословакии, Элладе и прочих странах, к православным народам, пребывающим в плену фашистских застенков.— Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. Московская Патриархия, 1943, с. 83.

¹⁹⁶ К румынским пастырям и пастве... К солдатам румынской армии. Там же, с. 80—82, 77—79.

¹⁹⁷ Там же, с. 81.

¹⁹⁸ Обращение священников Ябланицы и Топлицы к сербскому народу.— ЖМП, 1944, № 11, с. 14.

¹⁹⁹ *П. Цветков*, протоиерей. Они не одиноки.— Правда о религии в России. Указ. соч., с. 296.

²⁰⁰ Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Указ. соч., с. 78, 81.

²⁰¹ Там же, с. 78.

²⁰² Там же, с. 85.

²⁰³ Там же, с. 82.

²⁰⁴ Обращение священников Ябланицы и Топлицы к сербскому народу. Указ. соч., с. 15.

²⁰⁵ Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Указ. соч., с. 83—84.

²⁰⁶ Там же, с. 83. См. также: *Алексий*, митрополит Ленинградский и Новгородский, Патриарший Местоблюститель. Протоиерею Евстафию Караматиевичу, члену Президиума Антифашистского веча народного освобождения Югославии.— ЖМП, 1944, № 9, с. 30—31.

²⁰⁷ *С. Савинский*, профессор. Пятнадцать дней в Югославии.— ЖМП, 1945, № 6, с. 21.

²⁰⁸ Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Указ. соч., с. 80.

²⁰⁹ Там же, с. 89. См. также: Прот. *Д. П. Цветков*. Слово Югославской воинской части на территории СССР пред отправлением ее на фронт 27 июля 1944 г.— ЖМП, 1944, № 10, с. 9.

²¹⁰ Там же, с. 82.

²¹¹ Там же, с. 86.

²¹² Там же, с. 82.

²¹³ Там же, с. 85.

²¹⁴ Обращение Местоблюстителя Патриаршего Престола Русской Православной Церкви митрополита Ленинградского и Новгородского *Алексия* к духовенству и верующим румынского народа.— ЖМП, 1944, № 9, с. 4.

²¹⁵ *Патриарх Алексий*. Слова, речи, послания, обращения, доклады, статьи (1941—1948). М., 1948, с. 193—194.

²¹⁶ Правда о религии в России. Указ. соч., с. 292.

²¹⁷ Слово митрополита *Вениамина*, Экзарха Московской Патриархии в Америке. Правда о религии в России. Указ. соч., с. 291.

²¹⁸ *Г. Димитров*. Ролята и задачите на Българската Църкви. Съчинения. Т. XII. София, 1954, с. 186.

²¹⁹ *Амвросий, еп. Можайский*. Слово... Указ. соч., с. 447—448. См. также: Обращение Патриарха Московского и всея Руси *Алексия* к славянам и единоверному румынскому народу с приветствием по случаю победоносного окончания войны с Германией и с призывом к братскому славянскому единению (9 мая 1945 г.).— Слова, речи... М., 1948, с. 195—196.

²²⁰ Письмо Сербского митрополита.— ЦВ, 1876, № 29, июль, с. 2. Проводы из Сербии в Россию тела полковника *Николая Раевского*.— ЦВ, 1876, № 37, сент., с. 15.

²²¹ Русские и сербы.— ЦВ, 1877, № 4, янв., с. 12.

²²² Приложения к статье «Приезд делегации Болгарской Православной Церкви в СССР».— ЖМП, 1945, № 9, с. 41. Ср.: Послание Софийского митрополита *Стефана* к русскому народу.— ЖМП, 1945, № 5, с. 6—7.

²²³ Газета «Правда» от 16 марта 1948 г. См. также: *В. Червенков*. Под знаком нерушимой дружбы с великим Советским Союзом («Правда» от 8 сент. 1952 г.) и его же выступление на XIX съезде КПСС («Правда» от 10 окт. 1952 г.).

²²⁴ *И. С. Аксаков*. Полн. собр. соч. Т. I. Указ. соч., с. 334, 449.
